

ЮРИСЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Журнал основан в 1999 г.

№ 20

2021

Учредитель

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор

А.А. Васильев, Алтайский государственный университет

Редакционная коллегия

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет, Алтайская лаборатория судебной экспертизы

Н.Д. Голев, Кемеровский государственный университет

Т.В. Чернышова, Алтайский государственный университет

М.В. Горбаневский, председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам

А.М. Плотникова, Уральский федеральный университет, Уральский региональный центр судебной экспертизы

П.А. Манянин, Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Алтайскому краю

О.В. Барабаш, Научно-исследовательский институт фундаментальных и прикладных исследований Пензенского государственного университета

Н.Н. Шпильная, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Б. Лебедева, Кемеровский государственный университет

Л.Г. Ким, Кемеровский государственный университет

Е.В. Кишина, Кемеровский государственный университет

Т.В. Дубровская, Пензенский государственный университет

Е.С. Аничкин, Алтайский государственный университет

Модератор журнала

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет

Адрес редакции: 656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 413а.

Адрес издателя: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: doroninasv@filo.asu.ru

Адрес сайта журнала: <http://journal.asu.ru/index.php/urisl/index>

Адрес в системе РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=31947

Журнал утвержден к печати объединенным научно-техническим советом АлтГУ.

ISSN 2587-9332

Рег. номер Эл № ФС77-78616 (решение от 30.07.2020 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

Юридическая герменевтика	
Головинов А.В., Головинова Ю.В. ПРИНЦИП ГЕНДЕРНОГО РАВНОПРАВИА В ТЕКСТАХ КОНСТИТУЦИЙ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН	5
Лингвоэкспертология	
Грачев М.А. ПРБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПИКТОГРАФИЧЕСКОГО КРИМИНАЛЬНОГО ПИСЬМА ЭКСПЕРТАМИ-ЛИНГВИСТАМИ	9
Лингвоконфликтология	
Лаюрова Д.И. РЕЧЕВЫЕ ТАКТИКИ КОНФЛИКТНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЖАНРЕ «СОСТАВЛЕНИЕ ПРОТОКОЛА О НАРУШЕНИИ»	14
Юрина Е.И., Доронина С.В. РЕЧЕВОЙ АКТ УГРОЗЫ В РАЗЛИЧНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ СИТУАЦИЯХ	19
Юридическая техника	
Бегишев И.Р. СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНА «ЦИФРОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»	24

CONTENTS

Legal Hermeneutics	
Golovinov, A. Golovinova, Y. <i>THE PRINCIPLE OF GENDER EQUALITY IN THE TEXTS OF THE CONSTITUTIONS OF WESTERN EUROPEAN COUNTRIES</i>	5
Forensic Linguistics	
Grachev, M. <i>PROBLEMS OF STUDYING PICTOGRAPHIC CRIMINAL WRITING BY LINGUISTIC EXPERTS</i>	9
Linguo-conflictology	
Layurova, D. <i>SPEECH TACTICS OF CONFLICT COMMUNICATION IN THE GENRE OF "DRAWING UP A REPORT ON VIOLATION"</i>	14
Yurina, E. Doronina, S. <i>THE SPEECH ACT OF THREAT IN VARIOUS COMMUNICATIVE SITUATIONS</i>	19
Legal Techniques	
Begishev, I. <i>SEMANTIC ANALYSIS OF THE TERM «DIGITAL SECURITY»</i>	24

Принцип гендерного равноправия в текстах конституций западноевропейских стран

А.В. Головинов¹, Ю.В. Головинова²

¹*Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: alex-golovinov@mail.ru*

²*Алтайский государственный педагогический университет
ул. Молодежная, 55, 656035, Барнаул, Россия. E-mail: yu.golovinova@mail.ru*

Статья посвящена анализу положений нормативных правовых актов, обеспечивающих реализацию прав женщин, в Германии, Италии, Испании, Швеции, Финляндии, Исландии и др. В работе показана эффективность североевропейского подхода к преодолению препятствий в отношении равноправия полов путем учреждения специальных государственных органов и правительственных структур. Будучи общепризнанными лидерами в области обеспечения прав женщин, эта группа государств максимально успешно претворяет в жизнь национальные механизмы гендерного равноправия. Стоит помнить, что успехи в сфере достижения гендерного равенства в странах Запада обусловлены активностью самого женского движения и ростом представительства женщин в правительствах, парламентах и общественных организациях. К этому стоит добавить широкую антидискриминационную законодательную базу и систему государственных органов, реализующих стратегии гендерного равенства в Европе. Планомерное развитие концептов равных возможностей позволило женщинам в этих странах занять достойное место на рынке труда на равных условиях с мужчинами. В статье показано, что половое равноправие может быть в известной степени определено как некая «одинаковость» мужчин и женщин. Однако не стоит эту одинаковость отождествлять с идентичностью. Знак равенства между женщиной и мужчиной поставить, увы, невозможно, как минимум по причине психических и физиологических различий, плюс очевидная разница в реализации их биологических функций. Установлено, что, несмотря на многочисленные позитивные моменты, женщины продолжают сталкиваться с разными формами дискриминации. Для достижения фактического равноправия, как показывает опыт западных стран, необходимо существенное возрастание активности самих женщин, институтов гражданского общества, усиление роли органов государственной власти в вопросах претворения в жизнь истинного равноправия полов.

Ключевые слова: гендерное равенство, государство, права женщин, конституция, дискриминация.

The Principle of Gender Equality in the Texts of the Constitutions of Western European Countries

A. Golovinov¹, Yu. Golovinova²

*Altai State University
61 Lenin Ave., Barnaul, Russia, 656049. E-mail: alex-golovinov@mail.ru*

*Altai State Pedagogical University
55 Molodezhnaya str., Barnaul, Russia, 656035. E-mail: yu.golovinova@mail.ru*

The article analyzes the provisions of regulatory legal acts that ensure the enforcement of women's rights in Germany, Italy, Spain, Sweden, Finland, Iceland, etc. The paper shows the effectiveness of the Northern European approach to overcoming obstacles to gender equality through the establishment of special state agencies and government authorities. As generally recognized leaders in the field of women's rights this group of states effectively implements national mechanisms of gender equality. It is worth remembering that progress in achieving gender equality in Western countries is due to the intensity of the women's movement itself and the growth of women's representation in governments, parliaments and public organizations. Besides we should mention a broad anti-discrimination legislative framework and a system of state agencies implementing gender equality strategies in Europe. The systematic development of the concepts of equal opportunities has allowed women in these countries to take a secure place in the labor market on equal terms with men. The article shows that gender equality can be defined to a certain extent as a kind of "sameness" of men and women. However, this sameness should not be equated with identity. Alas, it is impossible to equate a woman and a man, at least the reason for this is mental and physiological differences, plus the obvious difference in their biological functions. It has proved that despite numerous benefits, women continue to face various forms of discrimination. As the experience of Western countries shows, to achieve equality de facto it is necessary to significantly increase the activity of women themselves, civil society institutions, to strengthen the role of state authorities in the implementation of true gender equality.

Key words: gender equality, state, women's rights, constitution, discrimination.

Рассматривая механизмы гендерного равенства как системы юридических средств, невозможно не упомянуть о долгом и, возможно, изнурительном пути, который проделали страны Европы. Сама история государства и права западных стран иллюстрирует многообразие факторов развития законодательства, направленного на поиск оптимальных механизмов реализации прав и свобод человека и обеспечения конституционно-правовых гарантий для их четкого соблюдения. Что очевидно, в период после окончания Второй мировой войны в основных законах государств Запада существенно усилилась социальная составляющая конструкции прав человека. Послевоенная конституционная история ярко продемонстрировала детальное и развернутое закрепление прав женщин на уровне высших учредительных актов.

Уже при беглом анализе Основного закона Федеративной Республики Германии 1949 г., Конституции Итальянской Республики 1947 г., Конституции Королевства Испании 1978 г., Конституции Португальской Республики 1976 г. и Конституции Греческой Республики 1975 г. очевидно достаточно подробное закрепление системы прав женщин [Конституции государств Европейского Союза 1997].

Так, согласно конституциям Португальской и Итальянской Республик, женщинам гарантируется равенство возможностей выбирать профессию или любую сферу трудовой деятельности. Запрещены также ограничения на основании пола для доступа к любым должностям и профессиям. Трудящаяся женщина имеет те же права и при одинаковом труде получает одинаковое с трудящимся мужчиной вознаграждение – гласит статья 37 Конституции Италии [Конституция Италии URL]. Здесь как раз и прослеживается социальная ориентация европейской конструкции юридического равенства полов. Очевидно, что в таком случае гарантией против дискриминации женщин выступает возможность выбирать профессию и получать одинаковое с мужчиной вознаграждение.

Основной закон Польши подходит комплексно к проблеме регулирования юридического равенства мужчины и женщины. В данном государстве равноправие обеспечивается в таких сферах деятельности, как политика, экономика, социальная и культурная жизнь. Гарантируется, как закреплено в статье 33 Конституции Польши, равное право женщин наряду с мужчинами на получение отличий и публичных почетных званий [Конституция Польши URL]. Таким образом, путем отсекающей дискриминации по различным основаниям и в различных сферах, в польском государстве предпринята попытка достижения всеобщего принципа равноправия. Равные возможности здесь понимаются как некий стандарт равноправия.

Вместе с тем поистине впечатляющих результатов в осуществлении эгалитарной, то есть гендерной, государственной политики, направленной на создание совершенно равных условий для самореализации личности вне зависимости от биологического пола, достигли страны Северной Европы. Речь идет о таких странах, как Финляндия, Норвегия, Дания, Швеция, Исландия. Будучи общепризнанными лидерами в области обеспечения прав женщин, эти государства максимально успешно претворяют в жизнь национальные механизмы гендерного равноправия. Справедливости ради отметим, что концепции и подходы к равенству полов в каждой из стран североевропейского региона отличаются по своему идеологическому содержанию. По мнению современного исследователя, в Норвегии, например, значительное внимание в реализации гендерного равенства уделяется пропаганде и развитию женских ценностей. В Швеции же успешно реализуется идея исключительно одинаковых возможностей и прав мужчин и женщин во всех сферах человеческой жизнедеятельности [Воронина 2004: 142].

Концептуальным основанием модели равенства полов в Финляндской Республике выступает идеал гендерной нейтральности, то есть очевидной схожести женщин и мужчин. В рассматриваемом государстве учрежден и эффективно функционирует целый комплекс государственно-правовых механизмов, цель которых – обеспечение фактического равенства полов. Так, в Финляндии действует специальный Закон о гендерном равноправии, принятый в 1987 г. Нормативно-правовой акт такого содержания четко устанавливает запрет на дискриминацию по признаку

половой принадлежности. Более того, на принятии актов финны не остановились и в 2000 г. создали специализированный государственный орган при Министерстве социального обеспечения и здравоохранения, основной целью работы которого выступает подготовка и разработка поправок к упомянутому выше Закону о равноправии. Обращает на себя внимание факт того, что и судебные органы очень активно задействованы в развитии равноправия. Так, контроль и обеспечение защиты равноправия мужчин и женщин – это одна из основных обязанностей Председателя Суда справедливости Финляндской Республики. Вместе с тем в данное судебное учреждение поступает ничтожно малое количество заявлений и обращений о дискриминационных правонарушениях и преступлениях, так как по этим вопросам население Финляндии охотней обращается к омбудсмену при Правительстве [Королева 2012: 135]. Отметим также, что так называемая система квотирования развивает финские национальные механизмы политики полового равноправия. Так, в соответствии с положениями Закона о равенстве, консультативные советы, государственные комитеты, комиссии и иные органы, обладающие соответствующими компетенциями, включая органы городского самоуправления, кроме муниципальных советов, должны иметь в своем составе не менее 40% представителей одного пола (мужчин или женщин), если определенные причины не вынуждают их к иной гендерной конфигурации.

В смысле антидискриминационных мер примечателен опыт Швеции. Так, в рамках шведского законодательства четко определено понятие дискриминации, и закреплены ее разновидности. Под этим феноменом шведский законодатель понимает нарушение принципа равенства по запрещенному признаку, в том числе гендерному. Таким образом, рассматриваемая конструкция дискриминации сводится к институту равенства и напрямую зависит от него.

Разграничивая конкретное и абстрактное равенство, правовая система Швеции под последним понимает ситуацию, когда норма права применяется абсолютно одинаково ко всем субъектам, так же как и в случае равенства перед законом. Понятно, что подобная концепция выступает в качестве основополагающего элемента принципа верховенства права. Конкретное же равенство предполагает применение нормы права только с учетом всех обстоятельств каждой личности, так как возможны дискриминационные проявления в тех случаях, когда норма права применяется одинаково ко всем лицам без учета личных обстоятельств каждого субъекта [Лошакова 2011: 57].

Лидируя в вопросах правового регулирования равенства полов, шведское государство создало систему актов, обеспечивающих соблюдение прав человека. Так, гендерное равноправие гарантируется Конституцией и специальными законами, такими как «О запрете дискриминации» [Закон о запрете дискриминации URL] и «О равных возможностях» [Закон о равных возможностях URL]. Последний, закрепляя механизмы защиты прав женщин и мужчин, содержит юридическое определение домогательств сексуального характера в сфере труда. Законодательство о равных возможностях корреспондирует прямую обязанность работодателя или представителя нанимателя применять меры, ограждающие наемного работника от сексуальных принуждений. Данное законодательство обязывает также работодателей, которые имеют штат сотрудников более 10, обеспечивать, насколько это возможно, равной заработной платой представителей работников вне зависимости от гендерной принадлежности.

Не ограничиваясь созданием механизмов, обеспечивающих юридическое равенство полов в трудовой сфере, шведский законодатель урегулировал принцип неприкосновенности личности женщины. Уголовное право этой страны расценивает оскорбление и унижение чести и достоинства, насилие в отношении женщины, в том числе в семье, как грубое преступление, посягающее на неприкосновенность женщины как личности [Воронина 2008: 233].

Развивая конструкции и механизмы защиты женских прав, шведы запретили проституцию как явление. Примечательно, что не только действует запрет на покупку сексуальных услуг, но при этом фемида наказывает покупателя, а не продавца таких услуг.

Очевидной остается эффективность североευропейского подхода к преодолению препятствий в отношении равноправия полов путем учреждения специальных государственных органов и правительственных структур. В Исландии, в частности, создан и активно действует Комитет Жалоб и Ведомство по гендерному равенству, а также Центр по вопросам равенства мужчин и женщин. Обязательными задачами этих учреждений являются предоставление консультаций и разъяснений населению по проблемам и вопросам гендерного равноправия. Специализированный отдел по гендерному равенству в Министерстве по делам детей и семьи, созданный в Норвегии, призван обеспечивать политику продвижения равенства мужчин и женщин.

Стоит помнить, что успехи в сфере достижения гендерного равенства в странах Запада обусловлены активностью самого женского движения и ростом представительства женщин в правительствах, парламентах и общественных организациях. К этому стоит добавить широкую антидискриминационную законодательную базу и систему государственных органов, реализующих стратегии гендерного равенства в Европе. Планомерное развитие концептов равных возможностей позволило женщинам в этих странах занять достойное место на рынке труда на равных условиях с мужчинами.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что, несмотря на многочисленные позитивные моменты, женщины продолжают сталкиваться с разными формами дискриминации. И наконец, для достижения фактического равноправия, как показывает опыт западных стран, необходимо существенное возрастание активности самих женщин, институтов гражданского общества, усиление роли органов государственной власти в вопросах претворения в жизнь истинного равноправия полов.

Литература

Воронина О.А. Феминизм и гендерное равенство. М., 2004.

Воронина О.А. Швеция: V периодический доклад о выполнении КЛДОЖ (2006) : реф. излож. / Гендерное равенство в современном мире: роль национальных механизмов / отв. ред. и сост. О.А. Воронина. М., 2008. С. 233-239

Закон о запрете дискриминации. URL: <https://lagen.nu/2008:567> (дата обращения: 01.04.2021).

Закон о равных возможностях. URL: <https://lagen.nu/1991:433> (дата обращения: 27.11.2020).

Конституции государств Европейского Союза. М., 1997.

Конституция Италии. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/italy.pdf> (дата обращения: 27.11.2020).

Конституция Польши. URL: http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/poland/poland-r.htm (дата обращения: 27.11.2020).

Королева Т.А. Обеспечения равенства женщин в Финляндии: специфика гендерной политики / Среднерусский вестник общественных наук. - 2012. - № 4 (1). - С. 134-138.

Лошакова Ю.П. Защита прав женщин в контексте гендерного равноправия (На материалах законодательства Швеции) / Женщина в российском обществе. - 2011. - № 2. - С. 57.

References

Voronina, O.A. (2004) *Feminism and Gender Equality*. Moscow (in Russian).

Voronina, O.A. (2008) Sweden: V periodic report on the implementation of CEDAW (2006): ref. set out. Gender equality in the modern world: the role of national mechanisms / *otv. ed. and comp. O.A. Voronina*. Moscow, 233-239 (in Russian).

Anti-Discrimination Act. URL: <https://lagen.nu/2008:567> (date of access: 01.04.2021).

Equal Opportunities Act. URL: <https://lagen.nu/1991:433> (date of access: 27.11.2020)

The constitutions of the states of the European Union (1997). Moscow (in Russian).

Italian Constitution. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/italy.pdf> (date of access: 27.11.2020)

Constitution of Poland. URL: http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/poland/poland-r.htm (date of access: 27.11.2020)

Koroleva, T.A. (2012) Ensuring equality of women in Finland: specificity of gender policy. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*, 4 (1), 134-138 (in Russian).

Loshakova, Yu.P. (2011). Protection of Women's Rights in the Context of Gender Equality (Based on Swedish Legislation). *Woman in Russian Society*, 2, 57 (in Russian).

Citation:

Головинов А. В. Головинова Ю. В. Принцип гендерного равноправия в текстах конституций западноевропейских стран // Юрислингвистика. - 2021. - 20. - 5-8.

Golovinov, A. V. Golovinova, Yu. V. (2021). The Principle of Gender Equality in the Texts of the Constitutions of Western European Countries. *Legal Linguistics*, 20, 5-8.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Проблемы изучения пиктографического криминального письма экспертами-лингвистами

М.А. Грачев

*Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова
ул. Минина, 31а, 303155, Нижний Новгород, Россия. E-mail: ma-grachev@mail.ru*

В статье описывается малоизвестное, почти не описанное лингвистами пиктографическое криминальное письмо – татуировки. Автор анализирует трудности сбора материала, а также проблемы проведения лингвистической экспертизы. Между тем в настоящее время лингвистический анализ татуировок воров в законе крайне актуален в процессе сбора доказательной базы в борьбе государства против элиты преступного мира. В статье описываются экспертные ситуации, к которым привлекался лингвист-эксперт, приводятся характерные примеры, имеющие как прикладное, так и теоретическое значение для изучения данных полимодальных семиотических комплексов.

Ключевые слова: татуировка, вор в законе, пиктографическое письмо, лингвистическая экспертиза.

Problems of Studying Pictographic Criminal Writing by Linguistic Experts

M. Grachev

*Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov
31a Minina str., 31a, Nizhny Novgorod, Russia, 303155. E-mail: ma-grachev@mail.ru*

The article describes tattoos which are a relatively unknown pictographic criminal writing, understudied by linguists. The author analyzes the difficulties of collecting material, as well as the problems of carrying out linguistic expertise. At present linguistic analysis on tattoos of code-bound criminals are extremely relevant in the process of collecting evidence for the state to get control of the elite of the criminal world. The article describes the expertise situations in which the linguist-expert has been involved, provides typical examples that have both practical and theoretical significance for the study of these polymodal semiotic complexes.

Key words: tattoo, code-bound criminal, pictographic writing, linguistic expertise.

До сих пор татуировки криминальных элементов оставались вне поля зрения лингвистов. Имеются лишь немногочисленные высказывания о важности и актуальности их изучения. Они были объектом исследования криминалистов, психологов, литературоведов, хотя и в этих сферах изучение шло, в основном, на описательном уровне. Юрист Л. Мильяненко в 1992 году справедливо указывал: «Вряд ли какой-либо другой области в криминалистике было уделено так мало внимания, как изучению символики татуировок у судимых за уголовные преступления» [Мильяненко 1992: 7]. Прошло тридцать лет с момента этого замечания, но оно является актуальным и по сей день. Изменились тенденции при нанесении татуировок, наблюдается небывалое влияние как зарубежных, так и криминальных тату на законопослушное российское население, особенно на молодежь, но неизученность остается той же. Данный факт был отмечен и в наших ранних трудах [Грачев 1996: 3].

Нужно отдать должное ряду следователей и дознавателей, которые в последнее время обратились за помощью к некоторым лингвистам-экспертам, исследующим элементы тату в диахроническом аспекте. Особенно эта

активизация со стороны следственных отделов и ряда других силовых организаций проявилась после признания так называемых воров в законе организаторами и руководителями организованных преступных группировок (ОПГ), а группы под названием «АУЕ» («Арестантский уклад един»), созданной ворами в законе для привлечения молодежи, – экстремистской организацией.

В настоящее время перед лингвистами стоят следующие задачи: воссоздать и описать татуировки деклассированных элементов; проследить путь воровской татуировки в зависимости от развития криминогенных сообществ, в частности, воров в законе; определить отражение в татуировках мировоззрения уголовных элементов [Грачев 2021: 175].

Но существуют определенные трудности, связанные как со сбором пиктографического письма, так и с его изучением. Перечислим основные из них.

1) Пиктографическое письмо требует непосредственного объяснения от самих носителей, для которых обмануть сотрудника правоохранительных органов считается высшей доблестью. Например, изображение В.И. Ленина ими расшифровывалось в 60-70-е гг. XX в. как «Вождь Октябрьской революции». Но если лексемы, составляющие словосочетание, разместить друг под другом:

В
О
Р

– то получится «ВОР» – татуировка, характерная для воров в законе [Милюнянков 1992: 14]. Неслучайно на свои тела воры в законе 60-70 гг. XX в. иногда наносили письменный афоризм-лозунг: осуществляю закон большевиков: граблю награбленное. Согласно другим толкованиям, изображения В.И. Ленина и И.В. Сталина на теле уберегают их носителей от высшей меры наказания: в вождей Великой Октябрьской социалистической революции исполнители приговоров стрелять не будут. Таким образом, толкование смысла нательных пиктограмм встречает существенные затруднения.

2) Сбор материала представляет объективную трудность для лингвистов. Во-первых, изучение татуировок предполагает непосредственный контакт с деклассированными элементами, представляющими опасность для рядовых граждан. Во-вторых, обследование осужденных пенитенциарных учреждений следует согласовывать с рядом правоохранительных структур. В-третьих, осужденные имеют полное право не соглашаться на осмотр своего тела и не объяснять значение той или иной татуировки. И если все-таки осмотр происходит, то, как показывает практика, объяснение чаще всего бывает ложным. Использование материалов, собранных сотрудниками правоохранительных органов, также не может лечь в основу научного лингвистического анализа, поскольку для них важно исключительно современное значение пиктограммы, а не ее происхождение. Таким образом, анализ пиктографического материала, собранного другими лицами, может привести к существенным ошибкам. Например, автору статьи однажды пришлось настоять на личном осмотре тела обвиняемого: он, вор в законе, – и вдруг без типичной для их касты татуировки – распятого Христа. Тату была обнаружена на спине, очень удачно замаскированная на фоне семи куполов церковью (см. фотографию).

Ситуация в настоящее время осложняется еще и тем, что значительная часть уголовных тату уже теряет свое значение, а также происходит смешение криминальных татуировок с гражданскими.

3) Для знания точной семантики татуировок необходимо хорошо знать и другие элементы субкультуры преступного мира: арг, жесты и мимику, условные и тарабарские языки, клички, блатные песни и особенно воровские законы. Эти элементы настолько тесно связаны между собой, что наблюдается проникновение информации из одной системы в другую [Грачев 2009].

4) Учетные карточки в местах лишения свободы ведутся с перечислением всех татуировок их владельца. По ним можно установить связь одной татуировки с другой, время их появления, факты жизни. Однако, согласно правилам, документы с приметами преступников хранятся в ИУ не более десяти лет. Думается, что информацию о знаменитых уголовниках следует хранить как можно дольше, так как система татуировок на теле профессиональных преступников – своеобразный паспорт, фиксирующий этапы его биографии.

5) Татуировки используются в судебно-медицинских экспертизах при идентификации трупа. Но, к сожалению, для более четкого описания обнаруженных нательных символов не проводится комплексная судебная лингво-медицинская экспертиза, которая часто может оказать следствию существенную помощь. Наглядным примером является случай с толкованием смысла аббревиатуры «ЗГВ» на предплечье трупа молодого человека. Расшифровка сложносокращенного слова («Западная группа войск») позволила сузить круг поиска в целях его идентификации. Такая пиктограмма могла быть нанесена лицу, служившему либо в Польской Народной Республике, либо в Германской Демократической Республике.

Осужденные при нанесении татуировок чаще всего выбирают такие рисунки-символы, которые не только отражают их вкусы, желания, намерения, но и фиксируют определенные этапы их преступной деятельности: какое именно совершил преступление (убийство, кражу, изнасилование и т. п.), сколько имел судимостей, сколько лет пробыл в местах лишения свободы [Загребин, Добренко 2010: 58], какое положение занимает в преступной среде и другие факты биографии. Хотя, по мнению исследователя А. Бронникова, «истолковать татуированные знаки-символы нелегко, ибо они меняют свое содержание во времени и пространстве. Избранный сюжет, как правило, выражает желание, стремление обладать каким-то качеством, свойством, выделиться себя из общей среды» [Бронников 1998: 57].

Чтобы сделать качественную экспертизу, следует хорошо знать субкультуру криминального мира в диахронии, прежде всего – арг, клички, татуировки, блатные песни, условные обозначения, воровские правила поведения. Особую роль в настоящее время играют татуировки, которые могут явиться одним из доказательств принадлежности к вора в законе. Это высшая каста преступного мира, оказывавшая чрезвычайное воздействие на русскую преступность с конца 20-х гг. XX в. по настоящее время. Не случайно государство начало активно бороться с этим криминальным явлением. Статья 210.1 УК РФ гласит: «1. Создание преступного сообщества (преступной организации) в целях совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений либо руководство преступным сообществом (преступной организацией) или входящими в него (нее) структурными подразделениями, а равно координация действий организованных групп, создание устойчивых связей между ними, разработка планов и создание условий для совершения преступлений организованными группами, раздел сфер преступного влияния и (или) преступных доходов между такими группами – наказываются лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет со штрафом в размере до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового и с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет (часть 1 в ред. Федерального закона от 01.04.2019 N 46-ФЗ). Наиболее характерная пиктограмма, которая позволяет установить роль данного субъекта в преступном мире, – распятие. Другая характерная татуировка воров в законе – восьмиконечные звезды, нанесенные в районе ключиц. Это так называемый знак «отрицал» – осужденных, которые негативно относятся к тюремным порядкам в ИУ: нарушают режим, не выходят на работу, избивают сокамерников и прочее.

У непрофессиональных преступников и современной законопослушной молодежи татуировка – это способ демонстрации скорее какого-либо постулата или основного принципа жизни, чем события самой жизни, тогда как у воров в законе татуировки – это система, направленная на получение власти над рядовыми уголовниками и занятие высшего криминального положения. Степень воздействия татуировок уголовника на окружающих зависит от среды. Наиболее концентрирована преступная среда в пенитенциарных учреждениях. Именно там носитель воровских

татуировок может быть равным в группе воров в законе и хозяином над низшими кастами осужденных. Татуировки вора в законе могут устрашающе воздействовать на новичков (кинжалы, воткнутые в голову, кресты, могилы, кладбище). Кроме того, данные татуировки имеют и воспитательно-идеологический характер, иллюстрируют нормы поведения в криминальном мире. См., например, рисунок-аббревиатуру:

Аббревиатура ИРА образована путем сокращения выражения «иду резать актив». Актив – группа осужденных, которая активно сотрудничает с тюремной администрацией. В преступном мире существуют и позорящие татуировки, которые наносятся насильно за какой-либо унижающий, с точки зрения криминального мира, проступок. Так, в конце 40-х годов появилась криминальная тату в виде головы свиньи с надписью «Чушок-пекарь» или «чушок-вампир». Данное изображение наносили тем, кто был осужден за изнасилование лиц, не достигших совершеннолетия (ст. 117 Уголовного Кодекса РСФСР):

Точка, наколотая возле губ, синяк под глазом означают, что осужденный может совершать орально-генитальный контакт. Роза, выколотая на бедре у женщины, обозначает пассивную лесбиянку.

У воров в законе тату – это логичная система постулатов и криминальных идей. Пиктограммы составляют систему, которая отражает криминальный рост преступника: его судимости, отношение к правоохранителям, заключения в карцер за несоблюдение правил тюремной администрации, нежелание трудиться, иметь стаж отбывания наказания в карцере. Все это должно отразиться в системе татуировок. Поэтому главным для лингвиста-эксперта, осуществляющего семантический анализ пиктограмм, должно быть знание субкультуры криминального мира: воровских правил поведения, аргос, пословиц и поговорок криминального сообщества, тюремных песен, кличек и пр. Создание специализированного словаря, отражающего значения рисунков, слов, знаков и символов, – актуальная задача современной юридической лингвистики.

Литература

- Бронников А.Г. Тело-вернисаж. Татуированная преступность России: Учебное пособие для работников правоохранительных органов. Пермь, 1998.
- Грачев М.А. Жаргон и татуировки наркоманов: Краткий словарь-справочник. Нижний Новгород, 1996.
- Грачев М.А. Лингвокриминалистика. Нижний Новгород, 2009.
- Грачев М.А. Мифологемы в лингвистических жанрах криминальной субкультуры: диахронический аспект/ Sprachgeschichte und Sprachwandel im Slavischen. Трир, 2020. С.117-136
- Грачев М.А. Тайны забытой рукописи П.П. Ильина / Исследование жаргона преступников: монография. М., 2020.
- Грачев М.А. Процесс и пути перехода криминальных пиктограмм в законопослушную среду русскоязычного населения / Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное : сб. науч. ст. / отв. ред. Л.В. Рацибурская. М., 2021. С. 175-184.
- Загребин Д.В., Добренко М.А. Криминальная среда – объект деятельности оперативных подразделений ОВД. Учебное пособие. Пермь, 2010.
- Миляненок Л.А. По ту сторону закона. СПб., 1992.

References

- Bronnikov, A.G. (1998) Body Opening Day. Tattooed Crime in Russia: A Study Guide for Law Enforcement Officials. Perm (in Russian).
- Grachev, M.A. (1996) Jargon and Tattoo Addicts: A Concise Dictionary. Nizhny Novgorod (in Russian).
- Grachev, M.A. (2009) Linguistic forensics. Nizhny Novgorod (in Russian).
- Grachev, M.A. (2020) Mythologemes in the linguistic genres of the criminal subculture: the diachronic aspect / Sprachgeschichte und Sprachwandel im Slavischen. Trier (in Russian).
- Grachev, M.A. (2020) Secrets of the forgotten manuscript of P.P. Ilyin / Investigation of the jargon of criminals: monograph. Moscow (in Russian).
- Grachev, M.A. (2021) The process and ways of transition of criminal pictograms into the law-abiding environment of the Russian-speaking population / Active processes in modern Russian: national and international: collection of articles. / ex. ed. L.V. Ratsiburskaya. Moscow, 175-184 (in Russian).
- Zagrebin, D.V., Dobrenko, M.A. (2021) The criminal environment is the object of activity of the operational divisions of the Internal Affairs Directorate. Textbook. Perm (in Russian).
- Milyanenkov, L.A. (1992) On the other side of the law. Saint Petersburg (in Russian).
-

Citation:

Грачев М.А. Проблемы изучения пиктографического криминального письма экспертами-лингвистами // Юрислингвистика. – 2021. – 20. – 9-13.

Grachev, M.A.(2021). Problems of Studying Pictographic Criminal Writing by Linguistic Experts. Legal Linguistics, 20, 9-13.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Речевые тактики конфликтной коммуникации в жанре «составление протокола о нарушении»

Д.И. Лаюрова

*Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: lajurova.darja@gmail.com*

В статье представлен анализ речевого поведения сотрудников ГИБДД и нарушителей правил дорожного движения в ситуации составления протокола о правонарушении. Потенциально конфликтная коммуникативная ситуация и возможность перехода от официального регистра общения к неофициальному обуславливает различные тактики ведения беседы обеими сторонами. В работе представлены результаты классификации базы данных значительного объема, что позволяет считать описанные типы речевого поведения нарушителей и сотрудников полиции типичными.

Ключевые слова: языковая личность, составление протокола, речевая тактика, нарушение правил дорожного движения.

Speech Tactics of Conflict Communication in the Genre of "Drawing up a Report on Violation"

D. Layurova

*Altai State University
61 Lenin St., Barnaul, Russia, 656049. E-mail: lajurova.darja@gmail.com*

The article presents an analysis of the speech behavior of traffic police officers and violators of traffic rules in the situation of drawing up a report on an offense. A potentially conflict-generating communicative situation and the possibility of switching from an official register of communication to an unofficial one determines different tactics of conducting a conversation by both parties. The paper presents the results of the classification of a significant database. This allows us to state that the described types of speech behavior of violators and police officers are the most typical.

Key words: linguistic personality, drawing up a report, speech tactics, violation of traffic rules.

Одним из наиболее активно изучаемых явлений в современной русистике является понятие языковой личности. Каждый исследователь по-разному толкует данное понятие. Так, по мнению Г.И. Богина, языковая личность – это «человек как носитель языка, взятый со стороны его способности к речевой деятельности» [Богин 1982: 65]. Ю.Н. Караулов под языковой личностью понимает «человека, обладающего способностью создавать и воспринимать тексты» [Караулов 1987: 34]. В понятии языковой личности устанавливается связь языка с сознанием отдельного индивида. Каждая отдельно взятая личность проявляет свою индивидуальность через общение с другими людьми, которое невозможно без языка и речи. Речь способна отражать духовный мир говорящего, является источником информации о нем.

Чаще всего языковая личность проявляет особенности своего дискурсивного поведения в кризисных ситуациях общения. К их числу традиционно относят коммуникативные конфликты. С точки зрения К.Ф. Седова, коммуникативный конфликт – это «речевые ситуации, несущие в себе элементы психологического напряжения»

[Седов 2002: 12]. Таким образом, конфликтная языковая личность – это личность, применяющая речевые средства, свойственные для конфликтного дискурса.

Конфликтный дискурс допускает применение нескольких стратегий общения. Человек может занять враждебную позицию, применяя тактики агрессии, колкости, иронии. В конфликте также возможна реализация кооперативной стратегии, направленная на гармонизацию отношений. И, наконец, говорящий может осуществить попытку психологического воздействия на собеседника, реализуя манипулятивную речевую стратегию [Иссерс 2017; Третьякова 2009]. В зависимости от специфики конфликтной коммуникативной ситуации, и, в частности, от официального/ неофициального регистра общения, в конфликтном дискурсе появляются особенности, которые нельзя считать до конца изученными. Реальное поведение человека в коммуникативном конфликте не ограничивается действиями, отвечающими одному из описанных в литературе стилей и тактик поведения, а напротив, в той или иной мере может комбинировать речевые приемы нескольких типов. Поэтому абсолютно необходимым является продолжение наблюдений за речевыми конфликтами в различных коммуникативных ситуациях. В частности, предметом нашего внимания стали диалоги участников дорожного движения (нарушителей правил дорожного движения) и сотрудников ГИБДД в процессе составления протоколов о нарушении. Особенности реализуемых в данном конфликте речевых тактик обусловлены особым жанром коммуникации с признаками, не воспроизводимыми в других жанрах.

Основной чертой, формирующей уникальность жанра «составление протокола», являются отношения между собеседниками – сотрудником ГИБДД и нарушителем, их специфическими ролями и целями общения. Основная цель речевого жанра «составление протокола» – документальная фиксация действий для установления подлинных обстоятельств дела. Инициатором диалога является сотрудник ГИБДД, именно он устанавливает тему общения, а также определяет ее дальнейший ход. Нарушитель является в данном диалоге ведомым, так как его речевая деятельность сводится к передаче информации на заданную сотрудником ГИБДД тему.

Нами были исследованы около 50 стенограмм диалогов, произошедших в процессе составления протоколов о правонарушении. Большая часть из них проходит по единому сценарию, определяемому институциональной ролью полицейского. Данные диалоги не отличаются друг от друга ни предметно-тематически, ни композиционно:

Пример 1:

Сотрудник ГИБДД: Так, дальше. Александр Алексеевич. За данное правонарушение предусматривается изъятие водительского удостоверения на месте, лишение права управления от 4 до 6 месяцев, либо административный штраф в размере 5 тысяч рублей. На усмотрение судьи либо начальника ГИБДД.

В исследованном материале это наиболее частотный тип речевого поведения, согласно которому сотрудник ГИБДД строго следует установленному нормативными актами регламенту, избегает эмоциональных языковых средств, использует устойчивые выражения юридического подстиля официально-делового стиля речи.

Устная форма межличностного общения довольно часто становится причиной перехода диалога в разговорно-фамильярный регистр.

Пример 2:

Сотрудник ГИБДД: Ага. Ну мне эти два паспорта нужны на этих иностранных граждан, что бы я посмотрел кто это такие вообще. А если они находятся, я не знаю там, в федеральном розыске? Ладно там одно там у них там что-то просрочено или еще, это как бы другой вопрос. Я как бы не видел эти еще паспорта не знаю, может у них все это все нормально, просто вы, вы в этом не разбираетесь, вы не знаете что там как, просрочено там не просрочено, да? А если я этих товарищей отпущу, я во-первых совершу правонарушение, вот, а если они еще в каком-нибудь федеральном розыске находятся?

Водитель: Да их в розыске-то они нет.

Сотрудник ГИБДД: Ну вот поэтому я и должен посмотреть эти документы. Потому что на копию паспорта можно налепить хоть вашу фотографию, хоть мою фотографию и выдать за другого совсем человека, вот.

Так, в приведенном примере можно найти следующий смысл: сотрудники ГИБДД имеют право проверять документы не только у водителя, но и у пассажиров автотранспортного средства для выявления или устранения любых правонарушений. Основанием для проверки документов может быть иностранное гражданство пассажира, нарушение правил дорожного движения; признаки подделки документов и пр. Уход от шаблонности в выражениях можно объяснить желанием сотрудника ГИБДД более доступно донести информацию до пассажиров автотранспортного средства, недостаточно хорошо владеющих русским языком.

Вместе с тем нам удалось выделить несколько речевых тактик, которыми пользуются сотрудники ГИБДД при переходе протокольной речевой ситуации в стадию конфликта.

1. Сотрудник ГИБДД – «агрессор»

Данный тип языковой личности использует в своей речи негативные оценки в адрес пассажиров автотранспортного средства или нарушителей правил дорожного движения, использует интонационные конструкции модальной реализации, выражающие негативное отношение к собеседнику, типы суждений, свойственные жанру проработки:

Сотрудник ГИБДД: Аптечка, огнетушитель?

Водитель: Есть?

Сотрудник ГИБДД: Да у них ремней никогда нет, ремни че не делаете?

Водитель: Не знаю, у нас такого закона нету вроде.

Сотрудник ГИБДД: У вас вообще все пассажиры должны пристегнуты быть.

МЗ: Ну, в автобусе.

Сотрудник ГИБДД: Ну у вас ладно еще, но хотя бы водитель чтобы был пристегнут, посмотри наши как ездят на автобусах, они все пристегнуты водители.

Водитель: Не знаю.

Сотрудник ГИБДД: Штраф 100 рублей.

Водитель: А?

Сотрудник ГИБДД: Штраф за это 100 рублей предусмотрен.

Водитель: Э-э командир, не надо штраф.

Сотрудник ГИБДД: 100 рублей выпишем, в течение двух месяцев оплатишь.

Сотрудник ГИБДД выделяет особую группу лиц, вероятно, объединенную по национальному признаку. Эта группа противопоставляется группе, с которой идентифицирует себя говорящий. Так, нарушителю – иностранному гражданину предлагается «посмотреть», как принято ездить на автобусах в России, чтобы соответствовать установленным правилам дорожного движения. Все указанные приемы демонстрируют пренебрежительное отношение полицейского к нарушителю. Говорящий-агрессор демонстрирует таким образом свой более высокий статус по отношению к нарушителю.

2. Сотрудник ГИБДД – куртуазная личность

Сотрудник ГИБДД: От вас издается запах, будем говорить по-русски, перегар. Предлагаю пройти тест на алкоголь при помощи вот этого чудного немецкого прибора.

(нарушитель проходит тест)

Сразу говорю, что если он показывает, то естественно, автомобиль будет стоять временно в плену, а вы поедете по временному удостоверению. Я вам сказал, что от вас по-русски говоря исходит перегар. Хотите, можем переехать в больницу. Там они чуть-чуть будут говорить по-русски. Совсем и не сильно пьющий. Не мало пьющих там, которые приходят в 24 независимо от времени года по ночам, им пофиг, снег, дождь, ливень, они у нас туда ходят. У нас показало, не показало, третьего у нас не дано. Проходим либо же в больницу. Если покажет, будет решать суд, что с вами делать. Либо штраф, либо лишение, либо же административное наказание.

Водитель: Сколько?

Сотрудник ГИБДД: Сколько штраф? Официально три с половиной максимально, минимально 5950.

Водитель: Хватит?

Сотрудник ГИБДД: Что хватит? Я вам сказал размер штрафа.

Водитель: Три с половиной?

Сотрудник ГИБДД: Добро.

Сотрудник ГИБДД использует приемы языковой игры, пытается говорить о штатной ситуации нарушения не с помощью юридических терминов и канцеляризмов, а с использованием экспрессивных средств. Так, он называет прибор, предназначенный для измерения уровня этилового спирта в выдыхаемом воздухе, «чудесным немецким прибором». Можно отметить изобретательность в использовании метафор «Автомобиль будет стоять в плену», где слово «плен» употребляется в переносном значении «состояние зависимости от чего-либо, подчиненности чему-либо». Наблюдается и использование разговорно-фамильярных элементов, в частности, устойчивого выражения «говорить по-русски», которое является характерной особенностью речевого поведения лица и имеет варьирующееся фразеологическое значение:

1) «говорить проще, более понятным языком» во фразе

Сотрудник ГИБДД: От вас издается запах, будем говорить по-русски, перегар. Предлагаю пройти тест на алкоголь при помощи вот этого чудного немецкого прибора;

2) «объясняться на языке пациентов наркологического учреждения (людей с болезненной тягой к спиртному, граждан, не имеющих регистрации по месту жительства и т.д.)» в контексте

Сотрудник ГИБДД: Хотите, можем переехать в больницу. Там они чуть-чуть будут говорить по-русски.

3. Сотрудник ГИБДД – морализатор

Данный тип речевого поведения является «мягкой» разновидностью языкового агрессора:

Сотрудник ГИБДД: Мало того, что вы лишенный прав управления, так вы еще садитесь за руль после этого и подвергаете жизни опасности как своих пассажиров с вами ребят, которые тоже не понимают, что делают, так и окружающий народ, дети, еще не темная ночь, понимаете?

Водитель: Да, я согласен.

Сотрудник ГИБДД: С колясками. Там пешеходный не регулированный переход без светофора. Вы на красный там прошли. Знаете, есть старые пожилые в преклонном возрасте люди, которые не будут смотреть налево и направо.

Водитель: Да.

Сотрудник ГИБДД: А вы сотку по городу без света ночью.

Водитель: Виноват, товарищ лейтенант. Каждый человек учится на своих ошибках.

В данном диалоге сотрудник ГИБДД пытается поменять поведение адресата-нарушителя и вызвать его раскаяние в содеянном, вдобавок прибегая к таким высказываниям, как «уголовно наказуемое преступление», «административное правонарушение». Он оформляет свои мысли и высказывания так, чтобы слушающий легче разобрал его коммуникативные намерения, а именно сотрудник выражает недовольство высказыванием гражданина

и пытается предотвратить дальнейшие действия, которые могут привести к уголовно наказуемому преступлению.

При описании типов речевого поведения нарушителей правил дорожного движения отчетливо выявляется два типа речевых тактик:

1. Нарушитель – агрессор

Выбор данной стратегии обусловлен аффективной реакцией человека на стресс, что в свою очередь может перейти в действия, которые направлены на эмоциональное выражение негативных переживаний человека, в том числе брань или ругань.

Сотрудник ГИБДД: А че вы дергаетесь.

Водитель: Я не дергаюсь, я тебя просто спрашиваю. А у меня это, знаешь, вот это начинаешь: там разводите, там разводите. Давай говори, все уже, получилось, развели, не развели, давай, мне ехать надо. Я никуда не поеду раз, блин, знаешь почему? Не потому, что там, отказываюсь, не отказываюсь...был я в каком-то опьянении, я все равно никуда не поеду, не из-за этого, знаешь. Просто посмотри на меня. Меня сто раз останавливаете и все время одно и то же.

Сотрудник ГИБДД: Я вас вообще первый раз вижу.

Водитель: Теперь это, да. Ты нас первый раз видишь.

...

Водитель: Я не знаю что. Не пьяный, значит наркоша, если не наркоша, значит пьяный.

Сотрудник ГИБДД: Я вам что говорю, что вы наркоша?

Водитель: Нет, ну вы же говорите как наркотическое опьянение. В чем бля?

Сотрудник ГИБДД: Да.

Водитель: Наркотическое опьянение? В чем выражается? В том, что я проснулся и сейчас ехал?

Нарушитель уверен, что остановка его транспортного средства не обоснованна, так как с его стороны отсутствует нарушение правил дорожного движения. Этим обусловлено выражаемое в высокой эмоциональной тональности несогласие с действиями полиции.

2. Нарушитель – ребенок

Данный тип речевого поведение характеризуется применением тактики уговоров и ее разновидности – канючения [Иссерс 2017]. Пытаясь избежать наказания, нарушитель не пытается захватить доминирующую роль в диалоге, но нарушает институциональные правила, прибегая к психологическим аргументам, манипулятивным тактикам.

Сотрудник ГИБДД: Вы (год) катаетесь без страховки.

Водитель: Не, я застраховался, у меня на год страховка, честно я говорю. На год страховка, дома просто забыл.

Сотрудник ГИБДД: А (как так дома) да Вы обманываете.

Водитель: Чего? Да не обманываю, честно не обманываю, ну как, я год здесь живу уже, Я год живу здесь, я ж с четвертого октября живу. <...> Ну, это, а удостоверение-то, ну елки-палки, ну, мужики. Ну вы что?

Сотрудник ГИБДД: Это вы что?

Водитель: Ну я сейчас поеду в Казахстан и всё, заберу удостоверение и это. Ну у меня на год страховка.

Сотрудник ГИБДД: Все? Машину на штраф-стоянку. Вас от управления отстраняем.

Водитель: Ну а что делать?

Сотрудник ГИБДД: Не знаю что делать. Вы у меня спрашиваете что делать? Я ж откуда знаю.

Подводя общий итог, можно сказать, что рассмотренный нами конфликт между сотрудниками ГИБДД и нарушителями правил дорожного движения – это особый вид конфликта, в котором важны ролевые позиции сторон, что часто содействует неверному представлению водителя (нарушителя правил дорожного движения) об истинных намерениях сотрудника ГИБДД, приписывании ему злого умысла в действиях или словах. Со стороны представителя власти подобное ролевое неравенство чревато превышением должностных обязанностей, которые, в свою очередь, не всегда сопровождаются корректным и обходительным поведением. Таким образом, первое практически не может обойтись без второго и провоцирует некорректность в поведении лиц.

Литература

Богин Г.И. Концепция языковой личности: автореф. дис. док. филол. наук: 10.02.19. Л., 1982.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность М., 1987.

Седов К.Ф. Языковая личность в аспекте психолингвистической конфликтологии / Материалы международной конференции «Диалог 2002». – М., 2002. – С. 76-90.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2017.

Третьякова В.С. Речевая коммуникация: гармония и конфликт. Екатеринбург, 2009.

References

Bogin, G.I. (1982) The concept of linguistic personality: author. dis. doc. philol. sciences: 10.02.19. Leningrad, 1982 (in Russian).
 Karaulov, Yu.N. (1987) Russian language and language personality. Moscow (in Russian).

-
- Sedov, K.F. (2002) Linguistic personality in the aspect of psycholinguistic conflictology. Moscow (in Russian).
Issers, O.S. (2017) Communicative strategies and tactics of Russian speech. Moscow (in Russian).
Tretyakova, V.S.(2009) Verbal communication: harmony and conflict. Ekaterinburg (in Russian).
-

Citation:

Лаюрова Д.И. Речевые тактики конфликтной коммуникации в жанре «составление протокола о нарушении» // Юрислингвистика. – 2021. – 20. – 14-18.

Layurova, D.(2021). Speech Tactics of Conflict Communication in the Genre of "Drawing up a Report on Violation". Legal Linguistics, 20, 14-18.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Речевой акт угрозы в различных коммуникативных ситуациях

Е.И. Юрина
С.В. Доронина

*Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: doroninasv73@mail.ru*

В работе предпринята попытка выявить общие черты, характерные для выражения угрозы в разных коммуникативных ситуациях, а также описать условия, влияющие на выбор тех или иных языковых средств при выражении угрозы. Исследованы прямые и косвенные формы проявления речевой агрессии в форме угрозы в четырёх сферах: политической, деловой, бытовой и сфере масс-медиа. В качестве материала для исследования использованы данные, полученные методом сплошной выборки из сети Интернет: скриншоты личных переписок, посты в социальных сетях, фотографии бумажных носителей. Во всех этих данных речевой акт угрозы зафиксирован в письменной форме и представляет собой угрозу-предупреждение.

Ключевые слова: речевой акт; угроза; коммуникативная ситуация.

The Speech Act of Threat in Various Communicative Situations

E. Yurina
S. Doronina

*Altai State University
61 Lenin St., Barnaul, Russia, 656049. E-mail: doroninasv73@mail.ru*

The paper attempts to identify common features characteristic of the expression of a threat in different communicative situations, as well as to describe the circumstances affecting the choice of certain language means to express threat. The direct and indirect forms of speech aggression seen as threat are studied in four spheres: political, business, everyday vernacular and mass media. We used data obtained by the method of continuous sampling from the Internet as material for the study: screenshots of personal correspondence, posts on social networks, photographs of paper media. In all these data, the speech act of the threat is recorded in writing and represents a threat-warning.

Key words: speech act; threat; communicative situation.

0. Введение. Современная лингвистика трактует речь человека как деятельность субъекта (говорящего), которая предполагает определённое воздействие на объект (слушающего) для достижения определённой коммуникативной цели. В соответствии с этим речевая деятельность осуществляется через отдельные речевые акты, каждый из которых имеет собственную конкретную направленность. Такой направленностью обладает и речевой акт угрозы, коммуникативной целью которого является побуждение слушающего к выполнению каких-либо действий, выгодных

для говорящего. Он оказывает на слушающего ощутимое негативное воздействие, задавая свои условия: если требуемая задача не будет выполнена, последует наказание [Вежбицка 2007]. Таким образом, угроза — это побудительный конфликтный речевой акт, который включает в себя два компонента: побуждение к действию и обещание реализовать угрозу, если действие не будет совершено. Выбор говорящим формы выражения речевых целей во многом зависит от сферы общения, где реализуется речевой акт. Целью данного исследования является установление такой зависимости для речевого акта угрозы.

В качестве материала для исследования использованы данные, полученные методом сплошной выборки в сети Интернет: скриншоты личных переписок, посты в социальных сетях, фотографии бумажных носителей. Источниками данных являются социальные сети (instagram.com, vk.com, twitter.com), новостные порталы регионального и федерального значения (iberdsk.ru, pravda.com, informpskov.ru и т. д.), форумы (pikabu.ru, livejournal.com) и т. д. Данные источники публикуют вербальные следы состоявшегося ранее речевого конфликта, преследуя самые разные внеречевые цели. Однако, поскольку они содержат признаки речевого конфликта и коммуникативной ситуации в целом, мы считаем данный материал пригодным для лингвистического исследования. Нам удалось выявить прямые и косвенные формы проявления речевой агрессии в форме угрозы как минимум в четырёх сферах: политической, деловой, бытовой и в сфере масс-медиа.

1. Угрозы в сфере политики

(1) *«Киев сошёл с ума и заражает Америку. Но США — ядерная держава, поэтому Россия не может терпеть такую политику. Если Украина не остановится, нам придется ее превентивно уничтожить».* Источник: twitter.com

В данном контексте угроза демонстрируется прямо, по формуле «если ты не (...), то я (...)», и является угрозой-предупреждением [Баранов 2014]. Фразой «Киев сошёл с ума» говорящий сразу демонстрирует свою позицию по отношению к адресату, выражая с её помощью негативную оценку его действий. Иллокутивной силой угрозы обладает высказывание «Россия не может терпеть такую политику», которое порождает импликацию «Россия будет с ней бороться». Также очевидно наличие иллокутивной цели угрозы в деструктивном глаголе «уничтожить», который употреблён в начальной форме и является частью составного сказуемого. Говорящий выражает свои намерения прямо и резко и с помощью данного глагола усиливает прагматическое воздействие.

(2) *«Продал свой голос — ЖДИ, к тебе идут! Скупщиков голосов уже допрашивают!»*

Источник: 04849.com.ua

В данном примере угроза выражена имплицитно, представляя собой опущенный член энтимемы, выражающей неотвратимость наказания: если допрашивают скупщиков выборных голосов, то допросы ждут и сторону, осуществившую их продажу. В реплике отсутствует описание характера возмездия, что, однако, свойственно угрозам и не снижает их иллокутивной силы [Безяева 2002].

(3) *«Подумай над тем, куда ты собрался. Не лезь в Бердск. Справедливой России никогда не было в Бердске и не будет, не нужна нам ваша справедливость! Систему не сломать. у Бердска есть "хозяин". Без вас там всё решали и будут решать! как скажут людям, так и будет. <...> Совет тебе не дёргаться! Ведь семья это главное...»*

Источник: iberdsk.ru

Здесь угроза относится к классу угроз-предупреждений и выражена косвенно: говорящий маскирует свою личность и не конкретизирует будущий ущерб. Намёк на него содержится в высказывании «ведь семья это главное», поэтому смысл угрозы устанавливается следующий: «Если ты не снимешь свою кандидатуру, с твоей семьёй случится что-то плохое».

В целом наблюдения показывают, что в политике встречаются преимущественно угрозы в косвенной форме. Политика — это дипломатическая сфера, в которой даже косвенное выражение агрессии имеет огромный риск. В качестве языковых средств довольно часто используются слоганы общественно-политической коммуникации. Адресатом угроз может являться как отдельное лицо, так и группа, в том числе целые организации и государственные институты.

2. Угрозы в сфере делового общения

(4) *«Чтобы избежать нашему учреждению красной зоны, мы вынуждены снять часы или уволить тех педагогов, чьи группы до сих пор не укомплектованы. Времени для работы с родителями было предостаточно!! Контрольное число для проверки групп 14 декабря, дальше мы принимаем меры. Все предупреждены, спасибо за внимание».*

Источник: pikabu.ru

Угроза относится к классу угроз-предупреждений (что прямо выражается фразой «все предупреждены») и имеет прямую форму. Говорящий даёт конкретную информацию обо всех её элементах: небенефактивном действии, условии, при котором оно будет осуществлено, субъекте исполнения действия и его бенефицианте. Речевая агрессия снимается формулами вежливости, а также сообщением о вынужденности непопулярных мер. Таким образом, высказывание-угроза маскируется под высказывание-предупреждение, сообщающее о том, что действие хотя и будет совершено говорящим, но произойдет вопреки его желанию. В сфере делового общения маскировка угрозы под какой-либо иной жанр весьма частотна, поскольку речевой конфликт в институциональном дискурсе может быть разрешен только строго регламентированными способами. Явные признаки угрозы встречаются лишь в межличностном дискурсе на деловые темы:

(5) *«Надеюсь Вы сегодня примите решение отстранить Супрун и восстановить Амосову Екатерину Николаевну в должности. Иначе, надеюсь, вы помните, что большинство изменений в Украине было инициировано студентами. Забастовка будет продолжаться, пока вы не уволите Супрун».*

Источник: pravda.com.ua

В данном примере отсутствует прием маскировки угрозы под другой речевой акт, более приемлемый с точки зрения речевого этикета. Однако данная угроза, так же как и предыдущая, имеет прямую форму выражения императивной части и части, сообщающей о небенефактивной альтернативе события: «надеюсь, вы сегодня примете решение» и «забастовка будет продолжаться, пока вы не уволите Супрун».

(6) *«Ждите повестки в суд. За жестокое обращение с ребёнком Вам будет грозить от 2 до 4 лет лишения свободы. Без права работы. Следственный комитет вас беспокоит. Заявление на вас уже на столе. Плюс нарушений не было. Аэрофлот представительство также вызовут в суд. Вы совершили огромную ошибку».*

Источник: pikabu.ru

Таким образом, по сравнению с политическим дискурсом, угрозы в сфере делового общения отличаются низкой степенью косвенности выражения императивных значений: тип поведения, который требуется от адресата, и характер небенефактивного действия, ожидающий его в случае неисполнения волеизъявления, выражаются прямо. Однако речевая агрессия, как правило, проявляется в скрытой форме: речевой акт угрозы в деловой сфере очень близок к речевому акту предупреждения. Для сообщений, относящихся к деловой сфере, характерно использование лексики делового стиля (обращение к адресату на «вы», а также конструкции «мы принимаем меры», «все предупреждены, спасибо за внимание» и т. д.).

3. Угрозы в сфере масс-медиа

(7) *«От того что я заблокирован в вашей <...> группе, правды не скрыть! Вы болезнь для общества, вас нужно истреблять! Вы и ваши <...> предшественники, распространители болезни, сидите <...> лучше по своим нормам и не высывайтесь! Хоть бы кого-нибудь из вас у себя в городе встретить! Я бы вообще все желание отбил <...> страдать!»*

Источник: vk.com

В этом сообщении выражена угроза-предупреждение. Говорящий выражает своё отношение к адресатам и прямо сообщает о своей позиции против них: «Вас нужно истреблять!». Можно сделать предположение о наличии у говорящего личной обиды на адресата из-за того, что его заблокировали в группе некой социальной сети. Подобное заявление достаточно категорично, однако ещё не содержит в себе угрозу, а лишь выражает психологическое состояние говорящего. Косвенно выраженная угроза представлена в двух последних предложениях, где говорящий не использует классические для угрозы приёмы манипуляции, запугивания, шантажа и т. д., а лишь выражает желание нанести адресату некий вред, однако если оба этих высказывания связать с общим посылом сообщения, ясно выраженном во втором предложении, можно извлечь из него коммуникативную интенцию угрозы, выраженную в виде следующей экспликации: «Если я встречу кого-нибудь из вас в своём городе, то совершу с ним нечто плохое, потому что я не одобряю ваши действия и считаю, что за них вас нужно истреблять». «Истребление» не обязательно должно являться именно тем способом причинения ущерба, который имеет в виду говорящий под словами «я бы отбил всё желание», однако резкая агрессия, продемонстрированная им ранее и выраженная также в большом количестве нецензурной лексики, позволяет трактовать это сообщение как содержащее угрозу.

(8) *«Вас скоро посадят. Это не должно оставаться безнаказанным. Горите в Аду долго и мучительно за пропаганду гомосексуалистов! // Мразина ср**ая, сдохните!! // Вали из нашей страны тварина. Рано или поздно ты заплатишь за это!»*

Источник: vk.com

Эта угроза относится к классу наказания и выражается прямо во фразах «это не должно оставаться безнаказанным» и «ты заплатишь за это». Говорящий использует большое количество коннотативно окрашенной лексики, различных оскорблений, и проявляет резкую агрессию по отношению к слушающему: «горите в аду», «мразина сраная», «сдохните», «тварина», «вали из страны». Однако при этом небенефактивное действие, которое планирует совершить говорящий, остается неконкретизированным.

Несмотря на то, что для сферы медиакоммуникации наиболее характерно косвенное выражение угрозы, именно здесь особенно часто встречаются случаи проявления речевой агрессии: даже если угроза выражена косвенно, такие сообщения несут в себе ярко выраженную негативную коннотацию. Эта особенность связана с распространённым в интернете явлением хейта, т. е. выражения ненависти и агрессии по отношению к людям, обладающим той или иной долей популярности, и ощущением свободы от собственной безнаказанности. Нередки случаи перехода на личности при отсутствии личного знакомства. Для угроз в сфере масс-медиа характерно как формальное, так и неформальное обращение к слушающему, использование побудительных и восклицательных предложений («Правды не скрыть!», «Сидите и не высывайтесь!», «Горите в аду!», «Вали из нашей страны», «Ты заплатишь за это!», «Будешь просить прощения»), оскорбления и обценная лексика (мразина, распространители болезни, сдохните), угрозы привлечения к уголовной ответственности («будет написано заявление в полицию», «вас скоро посадят», «вы будете привлечены к уголовной ответственности»).

4. Угрозы в сфере бытового общения представлены наиболее разнообразно. По своему тематическому наполнению бытовые угрозы делятся на несколько типов: сообщения от работников коллекторских агентств, сообщения от мошенников, угрозы на почве религии и на почве бытовых конфликтов. Форма угрозы не регламентирована условиями общения и потому зависит исключительно от характера конфликта и особенностей взаимоотношений субъекта и объекта речи. Прямая угроза чаще всего присутствует в сообщениях от работников коллекторских агентств. Для них же характерно частое применение оскорблений как способа оказать давление на слушающего и запугать его. Агрессивностью отличаются также и сообщения с угрозами на почве религии, где часто можно встретить оскорбления, угрозы смертью и увечьями:

(9) *«Как бы там не было, может не сейчас, может завтра, но мы тебя помним. И Аллах нам поможет. За оскорбление России и его многонационального народа, мы тебя все равно, рано или поздно зарежем тварь. Жди дочь свиньи. // Ты <...> будешь долго подыхать. на ремни порежим, и собакам скормим. Привет из Чечни, а братьев наших очень много везде. И не поймёшь когда окажишься у нас. // Аллах Велик. Он все видит. // <...> ты ещё жива? Ну это ненадолго».*

Источник: ridus.ru

Привлекает внимание тот факт, что бытовая угроза, так же как и угроза в официальных сферах общения, может выражаться косвенным способом.

(10) *«У тебя время до конца недели, чтобы решить, кто из вас вернет ворованное в <...>. Все данные на тебя, семью и близких в нашем распоряжении. Не решишь вопрос, начнём применять все виды проверенных временем негативных воздействий на тебя и родных. // Даже не представляешь, что ждет тебя в новом году!»*

Источник: v-kurse.ru

Данная угроза относится к классу угроз-предупреждений и выражается косвенно: говорящий не конкретизирует вред, который хочет нанести адресату. Упоминание о семье представляет собой сильный манипулятивный прием, поскольку этот вид давления является одним из самых действенных и применяется коллекторами повсеместно. Он основан на особенностях человеческой психологии: больше, чем за свою жизнь, человек боится только за жизни своих близких. Отсутствие конкретного указания на вид запланированного вреда компенсируется высокой эмоциональностью последней реплики «даже не представляешь, что ждёт тебя в новом году!», усиливающей речевое воздействие на адресата.

В отличие от предыдущего контекста, в следующем примере сообщается о виде вреда, который будет нанесен, а в форме намека представлена информация о субъекте действия:

(11) *«Не удивляйтесь, если будут гибнуть собаки! Отрава уже лежит, говорить со мной вы не стали».*

Источник: vkirove.ru

Важно отметить, что для угроз в бытовой сфере характерно использование разнообразных стилизованных приёмов, и даже элементов пародии с использованием прецедентных текстов. Приведем несколько примеров.

(12) *«Я хочу с тобой сыграть в игру, либо ты добровольно отдашь долг в Рожденьги, либо на всех указанных, тобой адресах произойдет встреча твоего лица с кислотой! Так начнется игра. Долговое агенство».*

Источник: informpskov.ru

Говорящий вводит в сообщение мотив игры с помощью фраз «я хочу сыграть с тобой в игру» и «так начнётся игра», намереваясь, видимо, предстать в образе своеобразного «маньяка» и стремясь тем самым дополнительно запугать слушающего. Реализация в сообщении с угрозой мотива игры может отсылать к известной серии художественных фильмов в жанре хоррор «Пила» («Saw»), где этот мотив являлся определяющим для сюжета всей франшизы. Прецедентный текст создает в этом тексте напряженный эмоциональный фон. Указание на характер небенефактивного действия – «произойдёт встреча твоего лица с кислотой» – представлено в косвенной форме. Элементы языковой игры в данном случае не противоречат основной коммуникативной интенции высказывания и создают циничный образ личности говорящего.

Использование речевых актов угроз может осуществляться в куртуазной манере.

(13) *«Привет! Прости меня, пожалуйста, но я хочу тебя предупредить. Одна из твоих знакомых заказала облить тебя кислотой, делать я это не хочу, но мне срочно нужны деньги. Так вот, я предлагаю тебе за 1.5к продать информацию об этом человеке, фотки переписки и записи по телефону. Она мне хорошо платит, но я не хочу портить такую красавицу, только при необходимости! <...> Жду до 12, время пошло!»*

Источник: funon.cc

Маскировка речевой агрессии за подчеркнутой вежливостью, использование речевых приемов установления кооперативного общения в данном высказывании сочетается с оказанием давления: реплика «жду до 12, время пошло!» свидетельствует о том, что адресату не предоставляется возможность выбора поведения. Избежать нежелательных последствий он может только в случае исполнения воли говорящего – передачи ему денежной суммы.

(14) *«Порезать шины, поцарапать краску? Легко!!!*

Уважаемый владелец этого авто! Человеку, не раз побывавшему в колонии, на работу не устроиться, а детей кормить надо! Во избежание действий 1 (первой строки). Прошу Вас, сделать добровольный, благотворительный единоразовый взнос в размере 999 рублей на Киви кошелек <...>. В комментариях обязательно укажите марку и полный номер вашего прекрасного авто. Заранее благодарен за понимание.

P:s 1(один) новый баллон от 3т.р.. А покраска очень дорогая. Мне особо то и терять нечего».

Источник: kaluga-poisk.ru

В данном высказывании угроза-предупреждение выражена в форме делового письма: обращение на «вы», фразы «уважаемый владелец», «во избежание действий», «прошу вас сделать взнос в размере», «заранее благодарен за понимание». Намерения говорящего раскрываются в самом заголовке сообщения, также стилизованном под рекламное сообщение.

Таким образом, примеры показывают, что угрозе не чужда игровая форма. При этом иллюкутивная сила таких высказываний не уничтожается формой.

5. Заключение. Как видим, в различных коммуникативных сферах речевой акт угрозы имеет свои особенности. Наибольшей спецификой обладают формы речевой агрессии в деловой сфере. Выбор прямой или косвенной формы угроз не зависит напрямую от сферы общения. Способ сбора материала исследования позволил

зафиксировать преимущественно угрозы-предупреждения. Таким образом, речевой акт угрозы представляет действительно большой интерес для лингвистики, в том числе для юридической, поскольку часто бывает противоречив с точки зрения отношений языковой формы высказывания и смысла, который в неё закладывается. Механизмы конструирования угрозы могут быть направлены на сокрытие её коммуникативной интенции и в то же время служат для сохранения и актуализации конфликтной тональности, благодаря которой угроза может быть легко распознана в тексте.

Литература

Баранов А.Н. Феномен угрозы в лингвистической теории и экспертной практике / Теория и практика судебной экспертизы. – 2014. – №4(36). – С. 139-147.
Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащей речи. М., 2002.
Вежбицка А. Речевые жанры [в свете теории элементарных смысловых единиц]/ Антология речевых жанров. М., 2007.

References

Baranov, A.N. (2014) The phenomenon of threat in linguistic theory and expert practice / Theory and practice of forensic examination, 4 (36), 139-147. Moscow (in Russian).
Bezyaeva, M.G. (2002) Semantics of the communicative level of sounding speech. Moscow (in Russian).
Vezhbitska, A. (2007) Speech genres [in the light of the theory of elementary semantic units] / Anthology of speech genres. Moscow (in Russian).

Citation:

Юрина Е.И., Доронина С.В. Речевой акт угрозы в различных коммуникативных ситуациях.// Юрислингвистика. – 2021. – 20. – 19-23.
Yurina, E., Doronina, S. (2021). The Speech Act of Threat in Various Communicative Situations. Legal Linguistics, 20, 19-23.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Семантический анализ термина «цифровая безопасность»

И.Р. Бегишев

*Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова
ул. Московская, 42, 420111, Казань, Россия. E-mail: begishev@mail.ru*

Статья посвящена семантическому анализу термина «цифровая безопасность», выявлению объема значения данного понятия на основе теоретического и эмпирического исследования. Актуальность темы определяется частотностью, расширением употребления термина «информационная безопасность», что связано с феноменом бурного развития цифровых технологий, а вслед за ними систем обеспечения защиты цифровой информации на всех уровнях – государственном, корпоративном, личном.

Проблематика исследования связана с недостаточной проработанностью значения данного термина, поэтому целью работы стало выявление специфического семантического поля словосочетания «цифровая безопасность». Решаемые в ходе исследования задачи – его разграничение с семантически близкими словосочетаниями и понятиями, выяснение понимания термина представителями целевых аудиторий.

В силу новизны бытования в языке в лексикографической практике (словарях) данный термин еще не отражен в полной мере, что представляет интерес не только с научной и предметной точек зрения (юридической, информационной, коммуникационной, мультимедийной, технологической и т. д.), но и с семантической.

В работе использованы теоретические и эмпирические методы исследования: помимо тщательного анализа открытых источников был проведен опрос более ста респондентов – представителей целевых аудиторий с использованием современных цифровых технологий и интерактивного способа сбора информации.

Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что семантическое ядро понятия «цифровая безопасность» составляют следующие значения: «безопасность информации, цифровых данных, личной информации в цифровой среде, цифровой информации»; «защита, защищенность информации в цифровом виде»; «безопасность в сети Интернет»; «конфиденциальность и целостность информации в цифровом виде»; «безопасность при использовании цифровых технологий», «безопасность информации в цифровых сетях, информационных системах» и т. п. Семантическую периферию образуют такие ассоциации и коннотации, как «защита от взломов и хакерских атак»; «сохранение (безопасность) данных на персональном устройстве»; «кибербезопасность»; «информированность отдельных людей и населения о тех или иных безопасных способах работы с информацией» и др.

Проведенный анализ позволил также сделать вывод об устойчивом характере термина (словосочетания) «цифровая безопасность», его синонимичности в сознании многих носителей с сочетаниями существительного безопасность с прилагательными информационная, компьютерная, кибер, электронная, а также о перспективах активизации его дальнейшего бытования в языке.

Ключевые слова: семантический анализ; семантическое поле; лексическое значение; кибербезопасность; информационная безопасность; цифровая безопасность; цифровая информация; цифровые технологии; цифровая инфраструктура; цифровая экономика.

Semantic Analysis of the Term «Digital Security»

I. Begishev

*Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov
42 Moskovskaya St., Kazan, Russia, 420111. E-mail: begishev@mail.ru*

The article attempts at the semantic analysis of the term «digital security», revealing the scope of the meaning of this concept on the basis of theoretical and empirical research. The topicality of the problem is determined by the frequency, expansion of the use of the term «information security», which is associated with the phenomenon of the rapid development of digital technologies, and followed by systems to ensure the protection of digital information at all levels – state, corporate, personal.

The research problem is connected with the insufficiently studied meaning of this term; therefore, the aim of the work was to identify the specific semantic field of the phrase «digital security». The tasks to be solved during the study are its distinction from semantically related phrases and concepts, clarification of the understanding of the term by representatives of target audiences.

Due to the novelty of entering language lexicographic practice (dictionaries), this term has not yet been fully described, which is of interest not only from a scientific and substantive point of view (legal, informational, communication, multimedia, technological, etc.), but with semantic as well.

Theoretical and empirical research methods were used in the work: in addition to a thorough analysis of open sources, a survey was conducted of more than a hundred respondents – representatives of target audiences using modern digital technologies and an interactive method of collecting information.

The study allowed us to conclude that the semantic core of the concept of «digital security» consists of the following meanings: «security of information, digital data, personal information in a digital environment, digital information»; «protection, digital information security»; «Internet security»; «Confidentiality and integrity of information in digital form»; «Security when using digital technologies», «information security in digital networks, information systems», etc. Associations and connotations form the semantic periphery, such as «protection against hacks and hacker attacks»; «storage (security) of data on a personal device»; «cybersecurity»; «awareness of individuals and the population about certain safe ways of working with information», etc.

The analysis also allowed us to conclude that the term (phrase) «digital security» is stable, it is synonymous in the minds of many carriers with combinations of the noun security with the adjectives information, computer, cyber, electronic, as well as the prospects for enhancing its further existence in the language.

Key words: semantic analysis; semantic field; lexical meaning; cybersecurity; information security; digital security; digital information; digital technology; digital infrastructure; digital economy.

Введение. В современных условиях бурного развития цифровых технологий, больших объемов информации и высоких скоростей информационных потоков, когда практически все сферы жизнедеятельности государства и его граждан связаны с процессами генерирования, передачи и хранения информации в интерактивной и цифровой формах, все более актуальными становятся вопросы обеспечения безопасности указанных процессов.

Развитие информационных систем, а вслед за ними систем обеспечения защиты информации на всех уровнях – как на государственном, корпоративном, так и на личном – определило высокую частоту использования устойчивого словосочетания «информационная безопасность». Помимо него, в языковой практике появляется новый, тесно связанный с ним по смыслу, но имеющий несколько иное значение термин «цифровая безопасность».

Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что лексическое значение термина «цифровая безопасность» схоже со значением близкого по смыслу, но более широкого и устоявшегося в русском языке последних десятилетий понятия «информационная безопасность», однако обладает своей специфической семантической структурой, включающей несколько значений, ассоциаций и коннотаций.

Одной из задач исследования и явилось определение семантического сходства и различия данных терминов, а также анализ значения иных словосочетаний, семантически близких понятию «цифровая безопасность»; выделение из объема значения понятия «информационная безопасность» тех элементов, которые непосредственно относятся к термину «цифровая безопасность».

В силу новизны бытования в языке в словарях и лексикографической практике данный термин еще не отражен в полной мере, что представляет интерес не только с научной и предметной точек зрения (правовой, информационной, коммуникационной, технологической и т. д.), но и с семантической.

С целью раскрытия смысла данного понятия и определения границ его семантического поля был проведен опрос (анкетирование) более ста респондентов с использованием современных цифровых технологий и интерактивного способа сбора информации.

Анкетирование проводилось через портал anketolog.ru – открытый, удобный сервис, позволяющий создать индивидуальный социологический опрос и провести онлайн-исследование.

Представителям целевых аудиторий посредством различных ресурсов (электронной почты, социальных сетей Instagram и ВКонтакте, мессенджеров WhatsApp и Viber) предлагалась прямая ссылка на анкету, по которой они могли перейти к анкете и принять участие в опросе. На вопросы анкеты респонденты могли ответить в удобное время с любого цифрового устройства. Ответы фиксировались по времени и IP-адресам.

В качестве целевой аудитории были выбраны три категории опрашиваемых – специалисты по защите информации и обеспечению информационной безопасности; сотрудники правоохранительных органов; профессорско-преподавательский состав и научные работники, связанные со сферой информационных и цифровых технологий. Всего опрошено 110 респондентов.

В начале исследования нами был проведен анализ смыслового поля понятия «цифровая безопасность», выделенного из открытых источников, описаны примеры использования данного термина в качестве устойчивого словосочетания.

Затем было проведено анкетирование, в ходе которого респондентам задавались вопросы, касающиеся смысла понятия «цифровая безопасность», его связи с другими, наиболее близкими, по мнению респондентов, по смыслу, а также ассоциативного ряда понятия «цифровая безопасность».

Таким образом были выявлены ядро данного понятия, основное смысловое поле и семантическая периферия, включающая оттенки значения, ассоциации, коннотации (авторские смыслы) и т. д.

1. Определения понятия из открытых источников

Рассмотрим ряд словосочетаний, входящих в семантическое поле понятия «цифровая безопасность».

Прежде всего это триада понятий, по своему юридическому смыслу связанных с понятием «безопасность»: «национальная безопасность», «информационная безопасность» и «цифровая безопасность».

В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» эти понятия раскрываются следующим образом.

Национальная безопасность – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации [Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683].

Понятие «национальная безопасность» включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, а также безопасность личности [Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683].

Информационная безопасность – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства [Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646].

Понятие «информационная безопасность» в настоящее время закреплено в нормативно-правовых актах Российской Федерации. Так, в программе «Цифровая экономика» [Паспорт национального проекта Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»], рассчитанной до 2024 года, это понятие определяется в качестве базового направления реализации программы наряду с другими направлениями [Бегишев, Бикеев 2020: 149].

(1) «Корпоративные информационные ресурсы определяют информационную безопасность как «процесс обеспечения доступности, целостности и конфиденциальности информации», где под «доступностью» понимается соответственно обеспечение доступа к информации, «целостность» означает обеспечение достоверности и полноты информации, а «конфиденциальность» подразумевает под собой обеспечение доступа к информации только авторизованным пользователям».

Источник: habr.com

Словарь экономических терминов определяет информационную безопасность как *(2) «комплекс организационно-технических мероприятий, обеспечивающих целостность данных и конфиденциальность информации в сочетании с ее доступностью для всех авторизованных пользователей; показатель, отражающий статус защищенности информационной системы».*

Источник: gufo.me

Информационная безопасность выделена в качестве направления подготовки специалистов в вузах России: она рассматривается в системе отечественного высшего образования как техническая дисциплина.

Обобщая эти и другие определения, можно обозначить семантическое поле термина «информационная безопасность», которое будет включать в себя такие основные значения и смыслы, как: *состояние защищенности (личности, общества и государства); сохранение информации; процесс обеспечения основных качеств информации*

(доступности, целостности и конфиденциальности); *защита* (конфиденциальности, целостности и доступности данных); *комплекс мероприятий и средств защиты, внутрифирменная политика безопасности; практика противодействия неправомерным действиям с информацией.*

2. Термин «цифровая экономика»

Данный термин, как свидетельствуют результаты анкетирования, также является семантически близким понятию «цифровая безопасность».

В статье Г. Головенчик «Теоретические подходы к определению понятия “Цифровая экономика”» представлена систематизация существующих трактовок этого понятия, выявлены общие закономерности, дано авторское определение цифровой экономики, ее качественная характеристика как совокупность особенностей и признаков [Головенчик 2019: 54].

«По нашему мнению, – пишет автор, – цифровая экономика как обобщающее понятие содержит не только признаки всех перечисленных экономик, но и ряд отличительных сторон, характеризующих ее качественную сущность» [Головенчик 2019: 55]. К таковым автор относит распространение цифровых сетей, цифровых технологий и т. д.

Первое определение рассматриваемого явления было дано в 1999 году в статье Н. Лейна «Развитие цифровой экономики в XXI веке» [Lane 1999: 317]. «Цифровая экономика – это конвергенция компьютерных и коммуникационных технологий в сети Интернет и возникающий поток информации и технологий, которые стимулируют развитие электронной торговли и масштабные изменения в организационной структуре» [Lane 1999: 317].

В национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации» [Паспорт национального проекта Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»] выделяется три ее уровня: рынки и отрасли экономики (сферы деятельности), где осуществляется взаимодействие конкретных субъектов (поставщиков и потребителей товаров, работ и услуг); платформы и технологии, где формируются компетенции для развития рынков и отраслей экономики (сфер деятельности); а также среда, которая создает условия для развития платформ и технологий и эффективного взаимодействия субъектов рынков и отраслей экономики (сфер деятельности) и охватывает нормативное регулирование, информационную инфраструктуру, кадры и информационную безопасность.

Таким образом, в качестве одной из основных проблем цифровой экономики практически всеми исследователями и практиками называется обеспечение информационной (цифровой) безопасности и приватности.

3. Термин «цифровая безопасность»

«В процессе перехода к информационному обществу, с повышением роли информации в жизни людей, – справедливо замечает А.И. Воробьев, – в обиход вошли новые термины, характеризующие изменяющуюся экономику: информационная экономика, электронная экономика, цифровая экономика, креативная экономика, Web-экономика, Интернет-экономика и др.» [Воробьев, Колбанёв 2017: 792].

В исследовании также приводится целый ряд сочетаний со словом «цифровой» для определения самых общих и частных категорий государственной и общественной жизни. Так, автор утверждает, что «элементами цифрового общества являются: *цифровая политика; цифровая экономика; цифровое образование; цифровая медицина; цифровое государство; цифровая культура, цифровой спорт; цифровое сельское хозяйство; цифровой транспорт; цифровая безопасность; цифровая энергетика; цифровая экология и т. д.*» [Воробьев, Колбанёв 2017: 794].

В российском законодательстве отсутствуют термины «цифровая безопасность» и «цифровые технологии», вместо них используются «информационная безопасность» и «информационные технологии», не являющиеся синонимами и различающиеся по объектному составу [Нестеренко, Пинкевич 2019: 257].

Цифровая безопасность предполагает не только «защиту цифры», но и «защиту от цифры». Государство не должно превращаться в «цифровой концлагерь», общество в «цифровую колонию», а человек в «цифровую личность» [Овчинников, Ахrameева, Воронцов, Кожокар, Кравченко, Мамычев, Мордовцев, Шатковская 2019: 115].

4. Лексическое значение компонентов словосочетания «цифровая безопасность»

Рассмотрим словосочетание «цифровая безопасность» как относительно свободное, компоненты которого не являются пока полностью связанными и обладают собственным лексическим значением, которое складывается как сумма значений каждого компонента.

4.1. Значение слова «цифровой»

В словарных источниках, толковых словарях пока еще не приводится устоявшееся определение значения слова «цифровой» по отношению к самому широкому кругу явлений.

В то же время слово «цифровой» в русском языке бытует достаточно давно в качестве прилагательного от слова «цифра». Даже в произведениях русских классиков в конце XIX века используется слово «цифровой» в прямом значении «связанный с цифрами»:

«Как искусный дипломат, он начал с самых слабых мест и сейчас же затушевывал их целым лесом *цифровых* данных; были тут целые столбцы *цифр*, средние выводы за трехлетия и пятилетия, сравнительные итоги приходов

и расходов, *цифровые* аналогии, сметы, соображения, проекты; *цифры* так и сыпались, точно Ляховский задался специальной целью наполнить ими всю комнату» [Мамин-Сибиряк 1986: 180].

«Все это без улыбки, я бы даже сказал, с некоторой почтительностью (может быть, ей известно, что я – строитель «Интеграла»). Но не знаю – в глазах или бровях – какой-то странный раздражающий икс, и я никак не могу его поймать, дать ему *цифровое* выражение» [Замятин 1988: 34].

В «Словаре Ушакова» 30-х годов XX века приводится следующее значение:

ЦИФРОВОЙ, а́я, о́е. Обозначенный цифрами, выраженный в цифрах. *Цифровое выражение. Цифровое обозначение. Цифровые данные. Цифровая система* [Ушаков 1940: 544].

В 50-х годах XX в. в Малом академическом словаре русского языка приводятся два следующих значения слова: I. *Цифровой* -а́я, -о́е. прил. к цифра; II. Обозначенный цифрами, выраженный в цифрах. *Цифровые данные. Цифровой результат* [Евгеньев 1984: 980].

Таким образом, здесь фиксируется прямое значение прилагательного «*цифровой*» от существительного «*цифра*». Позднее то же значение приводится в 4-томном словаре русского языка [Евгеньева 1984: 300].

В более позднее время значение слова приводится в специальных (профессиональных) словарях и толкуется уже в основном как термин, имеющий отношение к передаче информации.

В «Кратком психолого-психиатрическом словаре» 2008 года приводится следующее толкование слова «*цифровой*»: «*имеющий дискретные (вкл./выкл.) значения, противопоставляется аналоговому, имеющему оттенки значения*». Синонимы: *дигитальный, нумерационный, цифирный* [Игишев 2008: 122].

В более раннем «Словаре русских синонимов» даются пять синонимов: *числовой, численный; дигитальный, нумерационный, цифирный*, а в более позднем «Словаре синонимов ASIS» 2013 года – уже три: *дигитальный, нумерационный, цифирный* [Тришин 2013: 154].

И наконец «Викисловарь» представляет три значения слова «*цифровой*»:

- (3) «1. обозначенный цифрами, выраженный в *цифрах*;
2. *техн.* использующий технологии дискретной регистрации аналоговых значений;
3. *разг.* представляющий результат цифрами».

Источник: ru.wiktionary.org

Таким образом, к первому десятилетию XX века в русском языке складывается значение слова «*цифровой*», связанное прежде всего с передачей информации в «*цифровом*» или «*дискретном*» виде (противоположном аналоговому). При этом в данном значении фиксируется сам принцип записи и хранения информации посредством цифр, связанный с двоичной компьютерной системой. Значение прилагательного «*цифровой*» как «*связанный с передачей информации, представлением данных в дискретной форме*» все больше отходит от прямого значения слов «*цифра, число*» и постепенно закрепляется в языке по отношению к работе с информацией и массивами данных.

4.2. Значение слова «безопасность»

Рассмотрим современное значение слова «безопасность». В целом прямое значение рассматриваемого слова достаточно прозрачно («*отсутствие опасности*»), оно отражено в многочисленных словарях.

Например, в Толковом словаре Д.Н. Ушакова безопасность трактуется как (4) «*Отсутствие опасности. Находиться в полной безопасности*».

Источник: dic.academic.ru

Предупреждение опасности, условия, при которых не угрожает опасность [Ушаков 1940: 780].

В толковом словаре Ожегова приводится следующее определение:

– см. *безопасный* (толкование дается от прилагательного, означающего «*Не угрожающий опасностью, защищающий от опасности*» – ред.);

– состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности [Ожегов 2009: 152].

В словаре синонимов: (5) «1. *Безвредность, отсутствие вреда (о лечебном или химическом средстве); 2. Неопасность, безобидность*».

Источник: dic.academic.ru

В словаре-справочнике по административному праву дается следующее толкование:

(6) «*Безопасность – состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. При этом под жизненно важными интересами понимается совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства*».

Источник: rus-administrative-law-dict.slovaronline.com

Словарь чрезвычайных ситуаций трактует безопасность как (7) «*состояние защищенности личности, общества, государства и среды жизнедеятельности от внутренних и внешних угроз или опасностей*».

Источник: rus-emergency-terms.slovaronline.com

Д.Н. Калачев, исследуя определения понятия «безопасность», считает, что к началу 1990-х гг. произошло смещение толкования от традиционного военно-силового аспекта в сторону многомерного толкования [Калачев 2014: 390].

Примеры употребления слова «безопасность» в контексте.

«С её стороны отказала подушка *безопасности* в нашем Fiat-presto» [Горнов 2001: 110].

«Первый раз, в начале июня, на заседание республиканского совета *безопасности* прибыл другой замглавы – курирующий в райадминистрации нефтянку и силовой блок» [Идиатуллин 2014: 80].

«Товарищи-господа дружно расстегнули ремни *безопасности*, встали с кресел и выстроились в проходе» [Машкова 2010: 52].

«Как обеспечить *безопасность* сервиса программно, таким образом, что ваша служба не будет срабатывать от внешних приложений?» [Машнин 2015: 310].

«Мы должны продолжить нашу политику обеспечения коллективной *безопасности*» [Житорчук 2013: 154].

«Систему *безопасности* нулевого уровня герцог обновлял сразу, как только появлялись новые разработки» [Катрич 2015: 170].

«Но их экономические достоинства могут обернуться существенными проблемами в сфере информационной *безопасности*» [Овчинский 2014: 76].

Синонимы к слову «*безопасность*»: защита, сохранность, исправность, надежность, неуязвимость, прочность, устойчивость, живучесть, стабильность, безобидность, безвредность, защищенность.

Со словом «*безопасность*» ассоциируются следующие слова (по убыванию): охрана, защита, дом, жизнь, дорога, ремень, спокойствие, пожар, полиция, безопасный, телохранитель, служба, правила, охранник, машина, здоровье, надёжность, безопасно, обеспечение, защищённость, огнетушитель, предохранение, жизнедеятельности, код, азот, друг, ключ, озон, отец, война, дверь, каска, воздух, забота, любовь, сторож, угроза, порядок, чувство, контроль, опасение, спасение.

Среди связанных со словом «*безопасность*» слов – «поддержание мира», «устойчивое развитие», «безопасные условия», «стабильное положение», «круглосуточная охрана», «защита информации», «предотвращение утечек информации» и др. То есть в связанных смыслах появляется слово «информация».

4.3. Словосочетания с компонентами «цифровой» и «безопасность»

Словосочетания со словом «*цифровой*» в его более позднем значении («связанный с передачей данных в *цифровом* виде») начали широко использоваться примерно с середины-конца 90-х годов XX века.

Связано это с возникновением и широким распространением соответствующих реалий – технических новинок. Если ранее это была «*цифровая* вычислительная машина», то с начала 2000-х это «*цифровая* камера» («*цифровой* фотоаппарат»), «*цифровой* диктофон», «*цифровое* телевидение», «*цифровой* снимок», «электронная *цифровая* подпись», «*цифровой* дом» и др. В последнее десятилетие все более частотным становится словосочетание «*цифровые технологии*».

Примеры:

«АНАЛОГО-ЦИФРОВОЙ ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬ (АЦП) [analog-to-digital converter (ADC)]. Устройство для автоматического преобразования аналогового сигнала в *цифровой* сигнал. Например, для автоматической обработки экспериментальных данных поступающие с измерительных приборов непрерывно меняющиеся во времени аналоговые величины с помощью АЦП преобразуются в эквивалентные значения *цифровых* кодов, которые вводятся в компьютер. Противоп. цифроаналоговый преобразователь» [Дорот 2011: 223].

«В *цифровых* машинах все операции над десятичными числами заменены на операции с двоичными кодами» [Большедворова 2008: 24].

«В основе обоих устройств лежат одни и те же принципы: *цифровая* обработка, хранение и передача самых разных данных» [Гольцман 2008: 125].

«Объём используемых *цифровых* носителей неуклонно растёт» [Краинский 2007: 74].

Причем при употреблении со словами абстрактного значения в слове «*цифровой*» все более актуализируется переносное значение, которое можно описать более широко как «имеющий отношение к новым информационным технологиям» (с включением понятийного ряда «*информационный*» и «*технологии*»), например, в словосочетании «*цифровые права*»:

(8) «В частности – внедрением DRM, аппаратно-программной системы управления *цифровыми правами*».

Источник: dom-knig.com

Постепенно само слово «*цифровой*» используется для толкования других слов, следовательно, как слово вполне понятное носителям языка:

«Компьютер – сложное *цифровое* устройство» [Ватаманюк 2008: 127].

Таким образом, среди частотных сочетаний слова «*цифровой*» с существительными можно отметить такие, как *цифровые технологии*, *цифровой мир*, *цифровые данные*, *цифровая фотография*, *в цифровом виде* (форме, формате).

В составе конструкций с существительными (в широком значении): *в век цифровых технологий*, *в эпоху цифровых технологий*.

С глаголами (в составе конструкции): *набрать код на цифровом замке*.

Все эти примеры свидетельствует о частотности и продуктивности использования прилагательного «*цифровой*» в его новом переносном значении «связанный с передачей информации в *цифровом виде*» и расширении данного значения до абстрактного, относящегося к характеристике новых реалий – организации экономики, бизнес-процессов, управления предприятием («*цифровая экономика*», «*цифровая трансформация*», «*цифровой мир*»).

4.3.1. Примеры контекстов со словосочетанием «цифровая безопасность»

Примеров употребления словосочетания «цифровая безопасность», зафиксированных в отечественных изданиях (книгах и периодике), в настоящее время найдено немного, но их количество будет неуклонно расти вслед за расширением употребления данного термина.

Такие примеры можно найти в научно-исследовательских статьях М.Р. Арпентьевой «Опасности “цифровой безопасности” и балльно-рейтинговая система оценки труда сотрудников образовательных учреждений» [Арпентьева 2019: 2745], А.А. Ефремова «Проблемы реализации концепции управления рисками цифровой безопасности ОЭСР в российском законодательстве» [Ефремов 2016: 28], А.В. Нестеренко и Т.В. Пинкевич «Уголовная политика и цифровая безопасность: общее и частное в законодательстве РФ» [Нестеренко, Пинкевич 2019: 254], Д.Н. Панина и др. «Цифровая безопасность умных городов» [Панин, Железнова, Лапаева, Новикова 2019: 32], Т.К. Примака и О.А. Серовой «Цифровая безопасность: правовое регулирование, соотношение с кибербезопасностью» [Примака, Серова 2019: 58], И.А. Соколова и др. «Цифровая безопасность умных городов» [Соколов, Куприяновский, Аленков, Покусаев, Ярцев, Акимов, Намиот, Куприяновская 2018: 110], а также в художественной литературе.

«Так, господа сотрудники отдела *цифровой безопасности* и создания интерактивных продуктов, во-первых, прямо с этого момента все сотрудники IT-департамента должны носить бейджики с именами и должностями» [Веденская 2017: 33].

В данном примере из романа 2017 года (жанр популярной литературы, так называемых «женских романов») мы видим констатацию возникновения в организациях отделов «*цифровой безопасности*» (заметим, не информационной).

«Собственно, начальник посадил рядом с собой компьютерного гения только за тем, чтобы охранять *цифровую безопасность*, всех важных документов» [Алмаметов 2015: 134].

Постепенно словосочетание «*цифровая безопасность*» начало применяться в трудах и других зарубежных исследователей, таких как L.M. Tsui «The Importance of Digital Security to Securing Press Freedom» [Tsui 2019: 80], K. Alfawaz «Digital Security Using Multimodal Template Protection Schemes» [Alfawaz 2019: 82], S. Sony «The Interconnected Multi-cloud: the Future of Digital Security» [Sony 2017: 20] и др.

Многие исследователи, а также носители современного русского языка зачастую ставят знак равенства между такими понятиями, как «*информационная безопасность*», «*цифровая безопасность*», «*сетевая безопасность*», «*компьютерная безопасность*», точно так же, как отождествляются понятия «*цифровая экономика*», «*информационная экономика*», «*Интернет-экономика*», «*экономика знаний*», «*сетевая экономика*», «*электронная экономика*», «*новая экономика*» и т. д.

В ряду понятий и терминов, отчасти (но в разной степени) синонимичных понятию «*цифровая безопасность*», находятся также ряд подчинительных атрибутивно-субстантивных словосочетаний, имеющих в составе определяемое слово «*безопасность*» (субстантив) и его признак (атрибутив). Это такие словосочетания, обладающие признаками устойчивости, как «*кибербезопасность*», «*электронная безопасность*», «*Интернет-безопасность*», «*ИТ-безопасность*», «*виртуальная безопасность*», «*мобильная безопасность*».

С другой стороны имеется ряд также подчинительных словосочетаний со словом «*безопасность*», построенных по другой грамматической модели, где подчинительным словом выступает либо «*безопасность информации*», либо другое атрибутивно-субстантивное словосочетание («*безопасность информационных технологий*», «*безопасность информационной инфраструктуры*», «*безопасность критической информационной инфраструктуры*») и др.

Словосочетание «*цифровая безопасность*» можно встретить сегодня в различных источниках. В первую очередь это публикации практического характера, документы внутрикорпоративного и ведомственного назначения. Например, в методическом издании для журналистов «Цифровая безопасность (руководство для журналистов)», изданном в г. Душанбе в 2015 году, указано, что к угрозам *цифровой безопасности* относятся «различные виды киберпреступлений (взлом электронной почты и аккаунтов гражданского общества в социальной сети, прослушивание телефонных разговоров, кражу личных данных, физическое обнаружение человека – геолокация, IP адреса, кражу и подбор паролей, персональных данных, распознавание IP-адреса и установление личности, кражу данных с компьютера пользователей и др.)» [Вохидов, Рахмонбердиева, Пулотов 2015: 74].

Д. О'Брайен, координатор по защите работы в Интернете Комитета по защите журналистов, указывает что (9) «*информационная безопасность предполагает обеспечение защиты всей информации журналиста*».

Источник: crj.org

Раскрывая разные аспекты обеспечения цифровой безопасности, автор руководства по безопасности для журналистов выделяет такие направления, как электронная почта; Интернет и почтовые серверы; анонимайзеры и прокси-сервера; социальные сети; безопасность мобильного телефона.

В практическом смысле, говоря о проблемах корпоративной защиты, Н. Барабнова справедливо отмечает, что «сегодня у многих организаций крайне развитая IT-инфраструктура, поэтому шансы, что хотя бы один компьютер может заразить всю сеть, увеличиваются. В этом случае каждому сотруднику важно соблюдать цифровую безопасность, иначе репутация всей организации может оказаться под угрозой. Стоит помнить, что любое устройство, как служебное, так и личное, может стать каналом атаки и угрозой» [Барабнова 2018: URL].

Анализ использования термина «*цифровая безопасность*» показывает его неустоявшийся характер, использование в качестве синонима терминам «*информационная безопасность*», «*кибербезопасность*», «*электронная безопасность*» (т. е. нечеткое семантическое разграничение этих понятий), меньшую частотность по сравнению с термином «*информационная безопасность*». В то же время частота его использования нарастает, словосочетание приобретает черты все более семантически определенного и устойчивого.

5. Понятие «цифровая безопасность»: ответы респондентов

Для того, чтобы определить объем семантического значения словосочетания «*цифровая безопасность*», его семантическое ядро и периферию, мы провели опрос (анкетирование) респондентов, обратившись к ним через портал anketolog.ru.

Для описания структуры лексического значения слов и словосочетаний, обладающих определенными показателями устойчивости (а к таковым можно отнести сочетание «*цифровая безопасность*») можно использовать способ разграничения ядра и периферии значения. Согласно принципам контрастивной лингвистики, в семантике языковых единиц (семем) можно выделить так называемые «ядро» и «периферию», когда в значении выделяются компоненты, обладающие неодинаковым статусом в структуре семемы.

В нашем исследовании мы использовали экспериментальный прием анализа значения понятия «*цифровая безопасность*» через лингвистическое интервьюирование (анкетирование).

Ядерное значение компонентов данного словосочетания, выявляемое в словарях, было приведено выше – это значение компонентов «*цифровой*» – относящийся к цифрам, числам, и «*безопасность*» – отсутствие опасности. Однако ядерное значение сочетания лексем не всегда является простой суммой значений слов-компонентов – проверка этой гипотезы и явилась одной из целей нашего эксперимента.

Для выделения ядра и периферии значения словосочетания «*цифровая безопасность*» было предпринято анкетирование 110 респондентов. В составленных вопросах анкеты содержались также элементы ассоциативного эксперимента – просьба к респондентам привести слова и выражения, с которыми ассоциируется данное понятие.

5.1. Определение семантического ядра понятия «*цифровая безопасность*»

Первый вопрос анкеты был открытым и предполагал собственное толкование понятия «*цифровая безопасность*». Ответы, данные респондентами, были как короткими, так и более распространенными. Всего было дано 103 определения респондентов (91,2 % опрошенных, 8,8 % затруднились с ответом).

С помощью цифровых технологий подготовлено облако слов семантического ядра понятия «*цифровая безопасность*» (рис. 1).

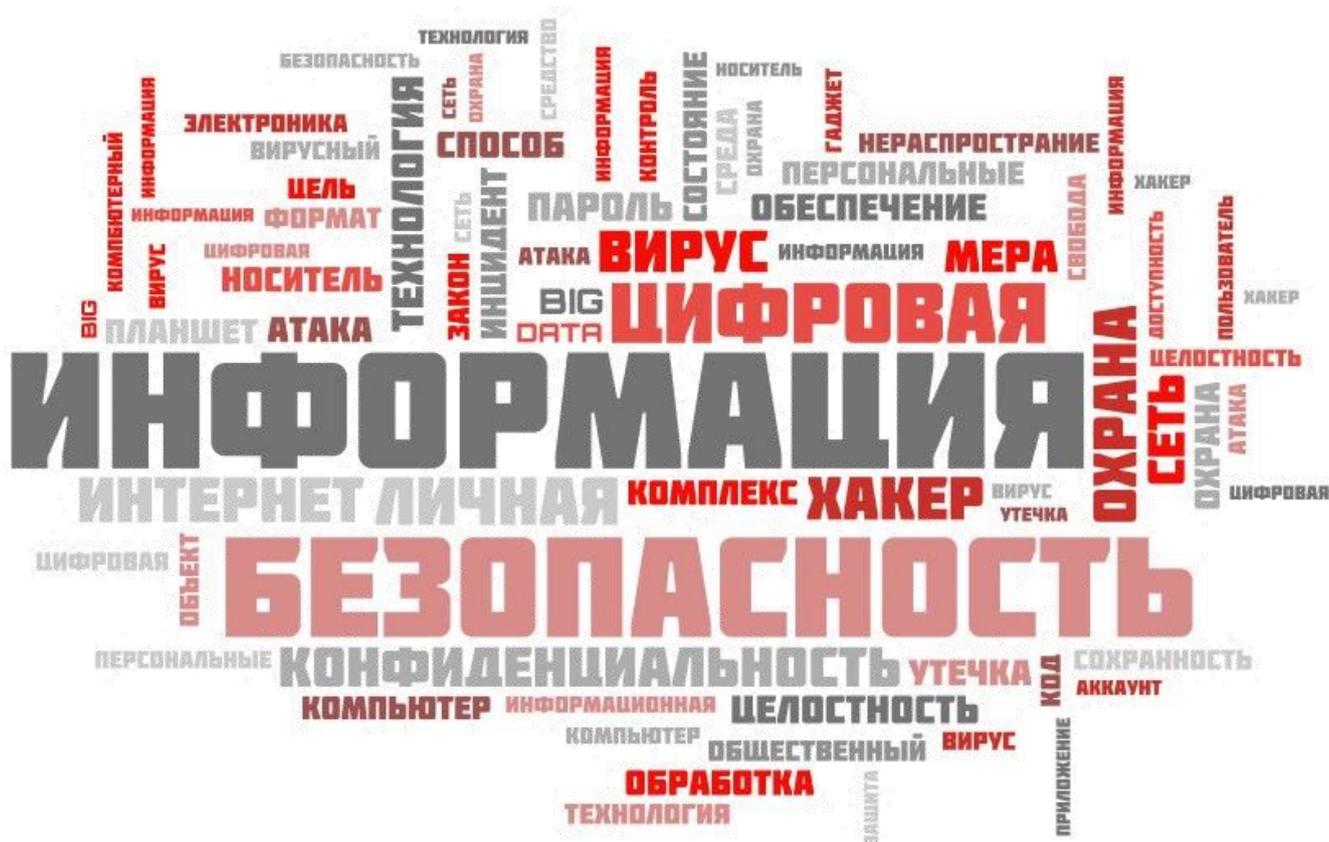

Рис. 1. Облако слов семантического ядра понятия «*цифровая безопасность*»

Определения, основанные на опорном слове «*безопасность*», составили 33 % ответов (34 из 103). Это безопасность: информации; цифровых данных; личной информации в цифровой среде; сохранения всех данных информации и устройств; в сети; при работе с большими данными; при использовании цифровых технологий; доступа к личным данным; аккаунтов; цифровой информации; данных в цифровых сетях; личных денежных средств; личных данных; информации на любых гаджетах; персональных и коммерческих данных; хранения и передачи личных и корпоративных данных; любой информации, существующей в электронном (оцифрованном) виде; моих цифровых данных; в сфере цифровых технологий, цифрового пространства, цифровой информации; личных данных в Интернете; в Интернет-пространстве; в использовании цифровых способов передачи информации; при работе с цифровыми данными и др.

Определения, основанные на опорном слове «*защита*», «*защищенность*» – 31 % (32 ответа). Это защита: информации от несанкционированного доступа; данных, находящихся в Интернете и на электронных носителях;

персональных данных; конфиденциальности, целостности и доступности информации в цифровом формате; от несогласованного с правообладателем использования информации; информации, размещенной в цифровой среде; данных, информации от несанкционированного доступа; конфиденциальности и доступности информации; данных пользователя; конфиденциальных личных данных и др.

Определения, в которых в том или ином грамматическом виде присутствует понятие «информация» (однако не как базовое слово, а как объект действия, на который направлена «безопасность» и «защита») – 24 % ответов (данное понятие встретилось почти в четверти всех ответов, точнее – 25 раз). Это информация: цифровая; информация в цифровой среде и т. д.

В определениях встречались также следующие опорные слова: «меры» («комплекс мер») – 4 раза; «сохранность» – 2 раза; «сохранность личных данных»; «обеспечение сохранности и конфиденциальности данных в электронном виде»; «свобода от чего-либо...» – 1 ответ; «правила» – 1; «закрытость информации» – 1; «сохранение» – 1; «недоступность» – 1; «информированность» – 1 («отдельных людей и населения о тех или иных безопасных способах работы с информацией»); «отсутствие чего-либо» – 1: «отсутствие вторжения в личную жизнь, отсутствие тотальной слежки за людьми»; «знания» – 1: «знания о безопасном использовании Интернета»; «навыки» – 1: «навыки, а также программное обеспечение, обеспечивающие защиту от вредоносных программ или утечку личной информации без вашего согласия»; «компетенции»: «компетенции, направленные на умение создать, хранить и дополнять данные на электронных носителях информации с условием соблюдения конфиденциальности, защиты данных от вирусов и т. д.»; «контент»; «защищенность авторских контентов от постороннего доступа и невозможность пользователю без разрешения использовать чужой контент»; «код»: «наличие кода, доступного только клиенту и не доступного другим».

Часто упоминаемые понятия: «Интернет» – 10 раз; «конфиденциальность» – 10 раз; «хакер» – 5 раз; «личные данные» («персональные данные») – 7 раз; «вирусы», «вирусные атаки» – 2 раза; «большие данные» («Big Data») – 2 раза; «аккаунт» – 2 раза.

На периферии значения также находятся понятия: «безопасное поведение» («правила безопасного поведения в сети Интернет»); «закрытость информации».

Отмечено немало определений, связанных с собирательным понятием «цифровая инфраструктура»: «безопасность использования цифровых носителей и цифровых систем»; «защита данных, находящихся в Интернете и на электронных носителях»; «программные средства и регламент работы, гарантирующие защиту информации от компьютерных вирусов и несанкционированного доступа»; «меры, направленные на защиту личных данных, в том числе и защита компьютера от вирусов»; «совокупность технологий, обеспечивающих безопасность цифровых систем»; «все что связано с цифровой обработкой (цифровой электроникой), в том числе системы управления, контроля и т. д.»; «программное обеспечение, обеспечивающее защиту от вредоносных программ или утечку личной информации без вашего согласия»; «безопасность данных в цифровых сетях»; «безопасность работы с социальными сетями, Интернете, банковскими картами, защита персональных данных» и др.

Не меньшее количество определений, напрямую связанных с понятием «цифровые технологии»: «совокупность технологий, обеспечивающих безопасность цифровых систем»; «обеспечение безопасности при использовании цифровых технологий»; «безопасное использование цифровых технологий»; «комплекс мер, направленных на защиту всего, что связано с информационными технологиями (Интернет, персональные данные в Интернете, банковские карты и т. д.)»; «меры, направленные на защиту личных данных, в том числе и защита компьютера от вирусов» (меры – это тоже технологии); «обеспечение конфиденциальности, целостности и доступности информации, циркулирующей в компьютерных и телекоммуникационных сетях»; «совокупность технологий, обеспечивающих безопасность цифровых систем», и др.

Частотность упоминаний в определениях понятий «инфраструктура» и «технологии» позволяет также отнести их к ядру значения понятия «цифровая безопасность» (либо к ближней периферии).

В некоторых определениях также встречаются определения «виртуальный», «оцифровка», «банковский» – данные ассоциативные связи можно отнести к периферии значения словосочетания «цифровая безопасность».

Любопытно, что лишь один из 103 респондентов полностью отождествляет понятия «информационная безопасность» и «цифровая безопасность» (менее 1 %).

Ответы респондентов также продемонстрировали прямую связь всех определений, относящихся к слову «безопасность» (информационная, цифровая, компьютерная, личная, национальная).

5.2. Определение степени связности понятия «цифровая безопасность» с иными понятиями, относящимися к слову «безопасность»

Был сформулирован вопрос: «С какими понятиями, относящимися к слову «безопасность», на Ваш взгляд, напрямую связано понятие «цифровая безопасность?», на который получены следующие ответы: подавляющее большинство респондентов наиболее близким понятию «цифровая безопасность» считает понятие «информационная безопасность» (85,19 %), далее следует «компьютерная безопасность» (67,59 %), «кибербезопасность» (62,18 %), «электронная безопасность» (58,82 %), «Интернет-безопасность» (54,26 %), «личная безопасность» (51,85 %), «экономическая безопасность» (40,74 %) и «национальная безопасность» (35,19 %) (рис. 2).

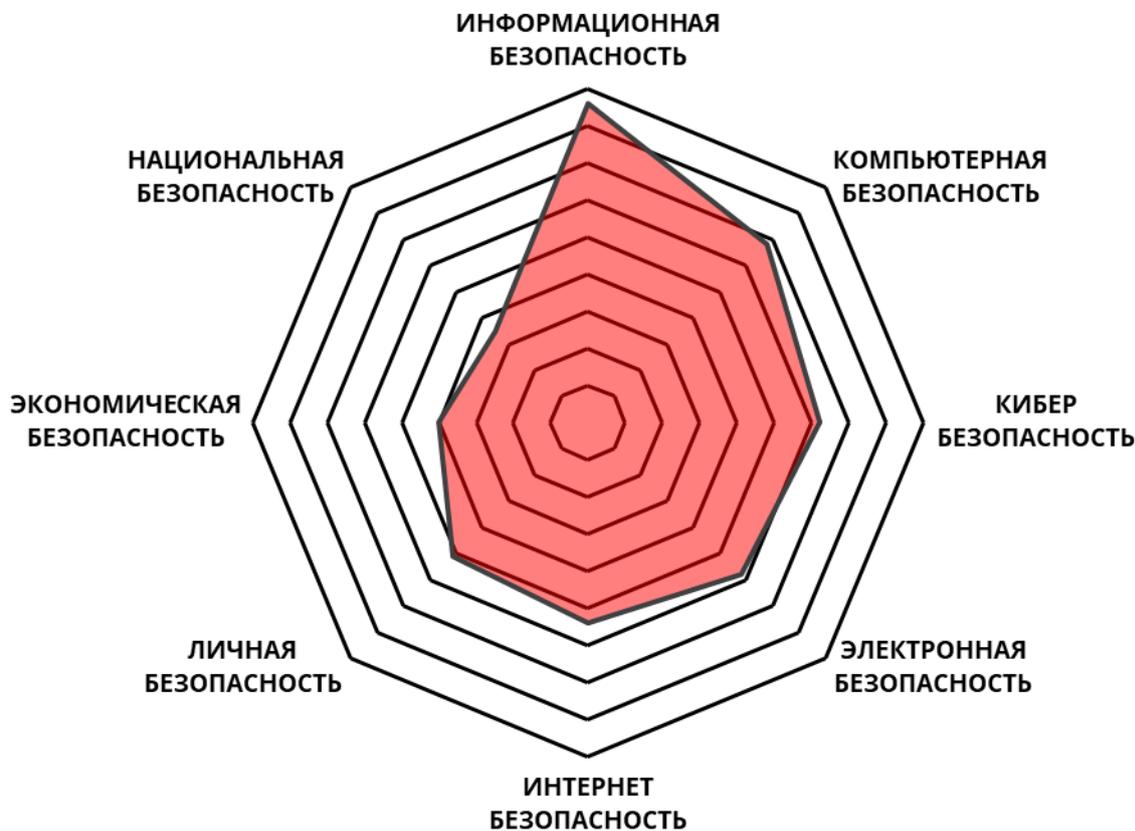

Рис. 2. Степень связности понятия «цифровая безопасность» с иными понятиями, относящимися к слову «безопасность»

Таким образом, в определениях понятия «цифровая безопасность», данных респондентами, четко прослеживаются базовые слова «безопасность» и «защита» (безопасность ... информации, цифровых данных, личной информации в цифровой среде и т. д.; защита информации, данных, персональных данных, конфиденциальности, целостности и доступности информации в цифровом формате и т. д.); а также базовые слова «меры» («комплекс мер»); «сохранность» («сохранность личных данных»; «обеспечение сохранности и конфиденциальности данных в электронном виде»). Почти в четверти ответов присутствует слово «информация» – как объект действия, на который направлена «безопасность» и «защита» («информация»; «цифровая информация»; «информация в цифровой среде»).

В авторских определениях часто упоминались слова «Интернет» – 10 раз; «конфиденциальность» – 8 раз; «хакеры» – 5 раз; «личные данные» («персональные данные») – 7 раз.

Представляется важным тот факт, что респонденты дали немало определений, связанных с собирательными понятиями «цифровая инфраструктура» и «цифровые технологии», что подтверждает нашу гипотезу об использовании словосочетания «цифровая безопасность» в переносном значении, связанном с защитой информации, цифровой инфраструктуры и цифровых технологий.

Таким образом, частотность в данных респондентами определений слов «безопасность», «защита» и «информация» свидетельствует о выявлении прямого значения понятия «цифровая безопасность», т. е. ядра, денотата, ядерных компонентов значения. То есть «цифровая безопасность» определяется и понимается носителями языка (включая профессионалов IT-сферы, сотрудников правоохранительных органов и преподавателей) прежде всего как безопасность (защита) информации.

Частотность упоминаний в определениях респондентов понятий «инфраструктура» и «технологии» позволяет также отнести их либо к ядру значения понятия «цифровая безопасность», либо к ближней периферии.

Напомним, что на основе анализа, проведенного нами в рамках данного исследования, было выделено и обосновано основное содержание понятия и сформулировано авторское определение дефиниции «цифровая безопасность».

Цифровая безопасность – состояние защищенности цифровой информации, цифровой инфраструктуры и цифровых технологий, обеспечивающее защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина, законных интересов субъектов цифровых правоотношений от реальных и потенциальных угроз.

Проведенное экспериментальное исследование подтверждает авторскую гипотезу об объеме значения понятия «цифровая безопасность».

5.3. Определение степени связности понятий, имеющих определение «цифровой», с понятием «цифровая безопасность»

Объем лексического значения слова включает в себя как прямое, так и переносные значения, а также нюансы значения, различные коннотации и ассоциации.

Последние могут проявлять себя непосредственным образом в прямом потоке речи, в употреблении свободных словосочетаний, образующихся с данным словом, которые могут затем закрепляться в языке и приобретать черты устойчивости, становясь устойчивыми словосочетаниями.

Рассмотрим устойчивые словосочетания со словом «*цифровой, -ая*». Под термином «устойчивое словосочетание» исследователи понимают «воспроизводимое соединение слов» (у Д.Э. Розенталя: «Справочник лингвистических терминов», «Литературное редактирование» и др.).

Прилагательное «*цифровой*» широко используется в современном русском языке последнего десятилетия в качестве элемента словосочетаний, которые со временем приобретают черты воспроизводимости, устойчивости, что может привести в дальнейшем к семантическому обособлению и сдвигам значения, когда общее значение словосочетания уже не является суммой лексических значений составных частей словосочетания (сращения, фразеологические сочетания, идиомы).

Это, например, следующие словосочетания: *цифровое телевидение, цифровые права, цифровая экономика, цифровая трансформация, цифровая среда обитания, цифровое общество, цифровая культура, цифровая инфраструктура, цифровое пространство, цифровая гигиена, цифровая информация, цифровые технологии*.

Значение слова проявляется прежде всего в контексте, в составе словосочетаний и предложений.

О том, что определение «*цифровой*» стало не просто широко употребляемым, но и весьма продуктивным в плане образования предикативных атрибутивно-субстантивных словосочетаний, свидетельствует его употребление в сочетаниях с практически неограниченным числом существительных. Это прежде всего существительные, имеющие обобщенное, абстрактное значение (*мир, пространство, общество, культура, трансформация, экономика, среда обитания, связь, технологии* и т. д.). Однако встречаются сочетания и с существительными конкретными, называющими предметы (*цифровой фотоаппарат, цифровая подпись, цифровой двойник, цифровая сущность, цифровая личность*).

В новейших статьях, посвященных цифровой безопасности, встречаются такие словосочетания со словом «*цифровой*», как «*цифровая революция*», «*цифровая маневренность*», «*цифровые возможности*». Например, в статье под заголовком «Между цифровыми возможностями и безопасностью» и подзаголовком «Цифровая безопасность» встречаются следующие сочетания со словом «*цифровой*»: «Быстрая интеграция между *цифровым* и физическим миром дает организациям новую среду, полную возможностей для обучения, сотрудничества и более эффективного ведения бизнеса»; «На втором шаге должен быть разработан план обеспечения *безопасности* для уменьшения *киберрисков*, связанных с «*оцифровкой*»; «Устойчивость как часть плана вводится через ситуационную осведомленность, эффективное и действенное управление *безопасностью* и процессами, а также внедрение и поддержание концепции динамической *безопасности* и реализации процедур *цифрового сдерживания*» [Ушаков 2020: URL].

На общие элементы в объеме значений словосочетаний со словом «*цифровой*» указывают ответы респондентов, которым был задан вопрос, с какими понятиями, имеющими определение «*цифровой*», близко и (или) напрямую связано понятие «*цифровая безопасность*».

76,85 % опрошенных респондентов считают, что в первую очередь данное понятие связано со словосочетанием «*цифровые технологии*». 54,63 % респондентов в своих ответах указали на словосочетание «*цифровое пространство*»; 45,37 % – на сочетание «*цифровая инфраструктура*»; 42,59 % – «*цифровая экономика*»; 34,26 % – «*цифровая грамотность*»; 33,33 % – «*цифровое общество*»; 24,07 % – «*цифровая культура*»; 18,52 % – «*цифровая трансформация*» (рис. 3).

Ответы респондентов свидетельствуют о том, что в сознании носителей языка понятие «*цифровая безопасность*» связывается прежде всего (с большим отрывом в ответах) с понятием «*цифровые технологии*», а также с понятиями «*цифровое пространство*», «*цифровая инфраструктура*», «*цифровая экономика*», «*цифровая грамотность*», «*цифровое общество*», «*цифровая культура*» и «*цифровая трансформация*».

Заключение. Проведенный нами анализ открытых источников и экспериментальное исследование, заключающееся в интерактивном анкетировании целевой аудитории, позволили сделать некоторые выводы относительно объема значения и семантической структуры термина «*цифровая безопасность*».

Результаты анализа демонстрируют расширение использования и все большую востребованность термина «*цифровая безопасность*» в различных сферах экономической и социальной жизни. Данный факт определяется актуальностью самой проблематики, связанной с расширением цифровизации разных сфер жизни, а также с существующими сегодня угрозами безопасности цифровой информации, цифровой инфраструктуры и цифровых технологий, необходимостью ее обеспечения в новых цифровых реалиях.

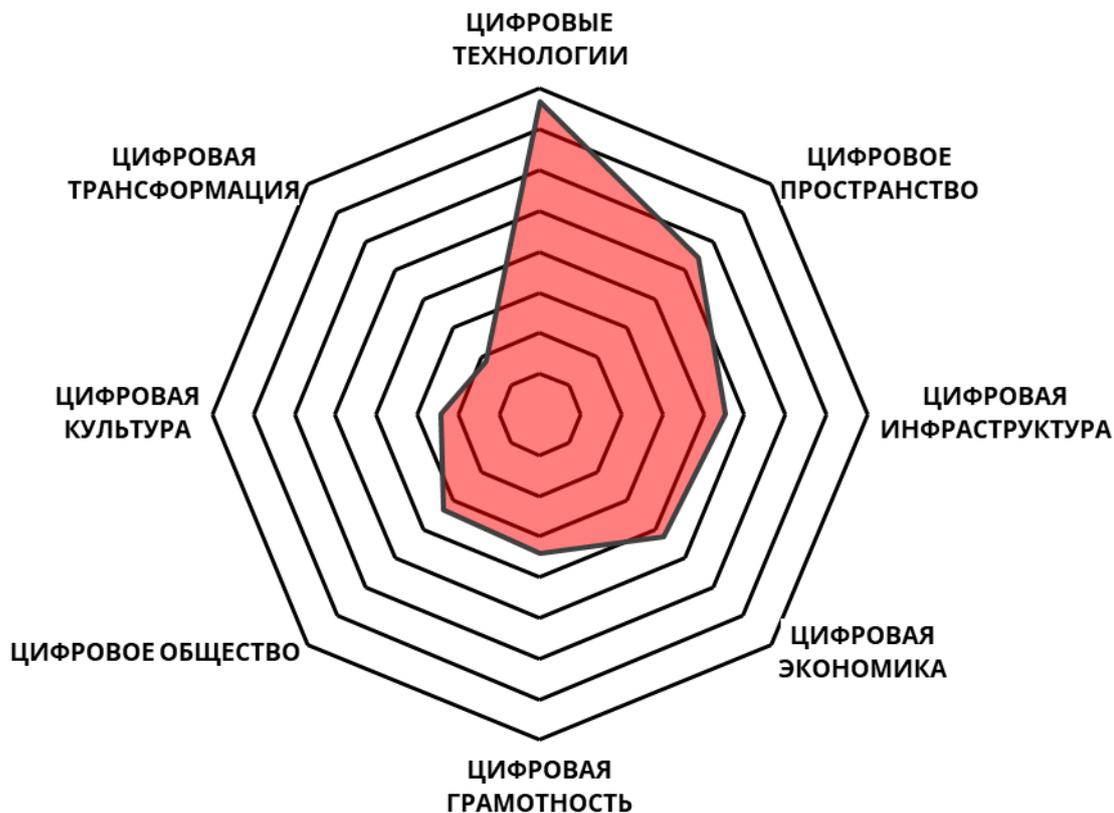

Рис. 3. Степень связности понятий, имеющими определение «цифровой», с понятием «цифровая безопасность»

С другой стороны, относительная новизна и обобщенный характер термина «цифровая безопасность» определяет недостаточную еще устойчивость его значения в русском языке, широкий и несколько размытый объем лексического значения, лексикографическую непроработанность данного слова и самого понятия, поскольку термин в силу своей новизны пока не нашел закрепления в словарях.

На основе открытых источников и словарных дефиниций было выявлено, что в семантическое поле понятия «цифровая безопасность» включаются сегодня три словосочетания «национальная безопасность», «информационная безопасность» и «компьютерная безопасность», юридически и по смыслу связанные с ним. Сложность точного определения понятия определяет и тот факт, что в российском законодательстве отсутствуют сегодня термины «цифровая безопасность» и «цифровые технологии», вместо них используются «информационная безопасность» («компьютерная безопасность») и «информационные технологии» («компьютерные технологии»), не являющиеся синонимами и различающиеся по объектному составу.

Подводя предварительные итоги исследования, можно сказать, что семантическое ядро понятия «цифровая безопасность», включающее основное смысловое поле, составляют следующие значения: «безопасность информации, цифровых данных, личной информации в цифровой среде, цифровой информации»; «защита, защищенность информации в цифровом виде»; «безопасность в сети Интернет»; «конфиденциальность и целостность информации в цифровом виде»; «безопасность при использовании цифровых технологий», «безопасность информации в цифровых сетях, информационных системах» и т. п.

Семантическую периферию составляют такие толкования, как «защита от взломов и хакерских атак»; «сохранение (нераспространение) данных на персональном устройстве»; «кибербезопасность»; «информированность отдельных людей и населения о тех или иных безопасных способах работы с информацией» и др. Указанные ассоциации, коннотации (авторские смыслы), находящиеся на периферии лексического значения, значительно расширяют объем понятия «цифровая безопасность» и его семантическое поле:

Проведенное исследование позволило сделать вывод об устойчивом характере словосочетания «цифровая безопасность», его синонимичности в сознании многих носителей в сочетании существительного безопасность с прилагательными информационная, компьютерная, кибер, электронная, а также о перспективах активизации его дальнейшего бытования в языке. Кроме того, результаты анкетирования свидетельствуют, что семантически близким понятию «цифровая безопасность» является также термин «цифровая экономика», поскольку одной из основных проблем цифровой экономики практически всеми исследователями и практиками называется обеспечение информационной (цифровой) безопасности и приватности.

Сложная семантическая структура понятия «цифровая безопасность», сложившаяся в русском языке к настоящему времени, позволяет ему достаточно точно выражать весь объем смыслов и значений, которые хотят вложить носители языка в этот термин для более адекватного отражения действительности.

На основе анализа, проведенного нами в рамках данного исследования, было выделено и обосновано основное содержание понятия «цифровая безопасность».

Проведенное экспериментальное исследование подтвердило авторскую гипотезу об указанном объеме значения понятия «цифровая безопасность».

Литература

- Alfawaz K.* Digital Security Using Multimodal Template Protection Schemes / *Bioscience Biotechnology Research Communications*. – 2019. – Vol. 12, iss. 1. – P. 80-82.
- Lane N.* Advancing the Digital Economy into the 21st Century / *Information Systems Frontiers*. – 1999. – Vol. 1, iss. 3. – P. 317-320.
- Sony S.* The Interconnected Multi-cloud: the Future of Digital Security / *Computer Fraud & Security*. – 2017. – Vol. 2017, iss. 5. – P. 19-20.
- Tsui L.M.* The Importance of Digital Security to Securing Press Freedom / *Journalism*. – 2019. – Vol. 20, iss. 1. – P. 80-82.
- Алмаматов В.* За школьной гранью. М., 2015.
- Арпентьева М.Р.* Опасности «цифровой безопасности» и балльно-рейтинговая система оценки труда сотрудников образовательных учреждений / *Профессиональное образование в современном мире*. – 2019. – Т. 9, № 2. – С. 2744-2752.
- Барабнова Н.* Что такое цифровая безопасность: термины и технологии / *Теплица социальных технологий*. – URL: <https://te-st.ru/2018/05/25/digital-security-terms/>
- Бегишев И.Р., Бикеев И.И.* Преступления в сфере обращения цифровой информации. Казань, 2020.
- Большедворова Л.С.* Нумерология. Коды жизни и судьбы. СПб., 2008.
- Ватаманюк А.И.* Видеосоучитель. Собираем компьютер своими руками. СПб., 2008.
- Веденская Т.Е.* Личная жизнь женщины-кошки. М., 2017.
- Воробьев А.И., Колбанёв М.О.* Инфокоммуникация и цифровая / *Аллея науки*. – 2017. – Т. 1, № 15. – С. 791-799.
- Вохидов А., Рахмонбердиева Н., Пулотов С.* Цифровая безопасность (руководство для журналистов) / Под общ. ред.: Н. Каршибоева. Душанбе, 2015.
- Головенчик Г.* Теоретические подходы к определению понятия «цифровая экономика» / *Наука и инновации*. – 2019. – № 1 (191). – С. 54-59.
- Гольцман В.И.* Компьютер + мобильник: эффективное взаимодействие. СПб., 2008.
- Горнов Н.В.* Пароход идет в Кранты. М., 2001.
- Дорот В.Л., Новиков Ф.А.* Толковый словарь современной компьютерной лексики. СПб., 2011.
- Евгеньев А.П.* Малый академический словарь. М., 1957-1984.
- Евгеньева А.П.* Словарь русского языка. М., 1981-1984.
- Ефремов А.А.* Проблемы реализации концепции управления рисками цифровой безопасности ОЭСР в российском законодательстве / *Информационное право*. – 2016. – № 4. – С. 25-28.
- Житорчук Ю.В.* Мир на краю пропасти. Предвоенные хроники. М., 2013.
- Замятин Е.И.* Мы / *Знамя*. – 1988. – № 4-5.
- Игишев В.И.* Краткий толковый психолого-психиатрический словарь. М., 2008.
- Идиатуллин Ш.Ш.* Эра Водолея. М., 2014.
- Калачев Д.Н.* Безопасность: эволюция понятия / *Тренды и управление*. – 2014. – № 4. – С. 385-391.
- Катрич Е.* Ключ темных. М., 2015.
- Краинский И.Н.* 200 лучших программ для Интернета. Популярный самоучитель. СПб., 2007.
- Мамин-Сибиряк Д.Н.* Приваловские миллионы. М., 1986.
- Машкова Д.В.* Вкус неба. М.: Изд-во «Эксмо», 2010. 352 с.
- Машнин Т.С.* Сборник тестов: 1500 вопросов и ответов на знание Android. М., 2015.
- Нестеренко А.В., Пинкевич Т.В.* Уголовная политика и цифровая безопасность: общее и частное в законодательстве РФ / *Уголовная политика и правоприменительная практика. Сборник статей по материалам VI Международной научно-практической конференции*. СПб., 2019. – С. 252-258.
- Овчинников А.И., Ахрамеева О.В., Воронцов С.А., Кожокарь И.П., Кравченко А.Г., Мамычев А.Ю., Мордовцев А.Ю., Шатковская Т.В.* Цифровая безопасность личности, общества и государства в условиях глобализации: юридические механизмы обеспечения / *Вестник юридического факультета Южного федерального университета*. – 2019. – Т. 6, № 2. – С. 111-122.
- Овчинский В.С.* Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден. М., 2014.
- Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. 26-е изд., испр. и доп. М., 2009.
- Панин Д.Н., Железнова П.В., Лапаева О.С., Новикова Д.Д.* Цифровая безопасность умных городов / *Международный научно-исследовательский журнал*. – 2019. – № 11-1 (89). – С. 31-33.
- Примак Т.К., Серова О.А.* Цифровая безопасность: правовое регулирование, соотношение с кибербезопасностью / *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России*. – 2019. – № 2 (56). – С. 57-60.
- Соколов И.А., Куприяновский В.П., Аленков В.В., Покусаев О.Н., Ярцев Д.И., Акимов А.В., Намиот Д.Е., Куприяновская Ю.В.* Цифровая безопасность умных городов / *International Journal of Open Information Technologies*. – 2018. – Vol. 6, iss. 1. – P. 104-118.

Тришин В.Н. Электронный словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS. М., 2013.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М., 1935-1940. (4 т.).

Ушаков Д. Между цифровыми возможностями и безопасностью / Interface.Ru. – URL: <http://www.interface.ru/home.asp?artId=33367>

References

- Alfawaz, K. (2019). *Digital Security Using Multimodal Template Protection Schemes*. *Bioscience Biotechnology Research Communications*, 12 (1), 80-82.
- Lane, N. (1999). *Advancing the Digital Economy into the 21st Century*. *Information Systems Frontiers*, 1 (3), 317-320.
- Sony, S. (2017). *The Interconnected Multi-cloud: the Future of Digital Security*. *Computer Fraud & Security*, 2017 (5), 19-20.
- Tsui, L.M. (2019). *The Importance of Digital Security to Securing Press Freedom*. *Journalism*, 20 (1), 80-82.
- Almametov, V. (2015). *Beyond the school boundary*. Moscow (In Russian).
- Arpentyeva, M.R. (2019). *The dangers of "digital security" and the point-rating system for evaluating the work of employees of educational institutions*. *Vocational education in the modern world*, 9 (2), 2744-2752 (In Russian).
- Barabnova N. (2018). *What is digital security: terms and technologies*. *Greenhouse of social technologies*. – URL: <https://test.ru/2018/05/25/digital-security-terms> (In Russian).
- Begishev I.R., Bikeev I.I. (2020). *Crimes in the sphere of digital information circulation*. Kazan (In Russian).
- Bolshedvorova L.S. (2008). *Numerology. Codes of life and destiny*. St. Petersburg (In Russian).
- Vatamanyuk A.I. (2008). *Video tutorial. We are building a computer with our own hands*. St. Petersburg (In Russian).
- Vedenskaya T.E. (2017). *The personal life of a female cat*. Moscow (In Russian).
- Vorobyev A.I., Kolbanev M.O. (2017). *Infocommunication and digital*. *Alley of Science*, 1 (15), 791-799 (In Russian).
- Vohidov A., Rakhmonberdieva N., Pulotov S. (2015). *Digital security (a guide for journalists)*. Dushanbe (In Russian).
- Golovenchik G. (2019). *Theoretical approaches to the definition of the concept of "digital economy"*. *Science and Innovation*, 1 (191), 54-59 (In Russian).
- Goltsman V.I. (2008). *Computer + mobile phone: effective interaction*. St. Petersburg (In Russian).
- Gornov N.V. (2001). *The steamer goes to the Cranes*. Moscow (In Russian).
- Dorot V.L., Novikov F.A. (2011). *Explanatory dictionary of modern computer vocabulary*. St. Petersburg (In Russian).
- Evgenieva A.P. (1984). *Russian Language Dictionary*. Moscow (In Russian).
- Evgeniev A.P. (1984). *Small academic dictionary*. Moscow (In Russian).
- Efremov A.A. (2016). *Problems of implementing the OECD Digital Security Risk management concept in Russian legislation*. *Information Law*, 4, 25-28 (In Russian).
- Zhitorchuk Yu.V. (2013). *The world is on the edge of the abyss. Pre-war chronicles*. Moscow (In Russian).
- Zamyatin E.I. (1988). *We*. *Znalya*, 4-5 (In Russian).
- Igishev V.I. (2008). *Brief explanatory psychological and psychiatric dictionary*. Moscow (In Russian).
- Idiatullin Sh.Sh. (2014). *The age of Aquarius*. Moscow (In Russian).
- Kalachev D.N. (2014). *Security: the evolution of the concept*. *Trends and management*, 4, 385-391 (In Russian).
- Katrich E. (2015). *The key of the dark ones*. Moscow (In Russian).
- Krainsky I.N. (2007). *200 best programs for the Internet. A popular self-help guide*. St. Petersburg (In Russian).
- Mamin-Sibiryak D.N. (1986). *Privalovsky millions*. Moscow (In Russian).
- Mashkova D.V. (2010). *Taste of the sky*. Moscow (In Russian).
- Mashnin T.S. (2015). *Collection of tests: 1500 questions and answers on Android knowledge*. Moscow (In Russian).
- Nesterenko A.V., Pinkevich T.V. (2019). *Criminal policy and digital security: general and private in the legislation of the Russian Federation*. *Criminal policy and law enforcement practice. Collection of articles based on the materials of the VI International Scientific and Practical Conference*. St. Petersburg (In Russian).
- Ovchinnikov A.I., Akhrameeva O.V., Vorontsov S.A., Kozhokar I.P., Kravchenko A.G., Mamychev A.Yu., Mordovtsev A.Yu., Shatkovskaya T.V. (2019). *Digital security of the individual, society and the state in the conditions of globalization: legal mechanisms for ensuring*. *Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*, 6 (2), 111-122 (In Russian).
- Ovchinsky V.S. (2014). *Cyber wars of the XXI century. What Edward Snowden kept silent about*. Moscow (In Russian).
- Ozhegov S.I. (2009). *Explanatory dictionary of the Russian language: about 100,000 words, terms and phraseological expressions*. 26th ed., corr. and add. Moscow (In Russian).
- Panin D.N., Zheleznova P.V., Lapaeva O.S., Novikova D.D. (2019). *Digital security of smart cities*. *International Scientific Research Journal*, 11-1 (89), 31-33 (In Russian).
- Primak T.K., Serova O.A. (2019). *Digital security: legal regulation, correlation with cybersecurity*. *Bulletin of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2 (56), 57-60 (In Russian).
- Sokolov I.A., Kuprianovsky V. P., Alenkov V.V., Pokusaev O.N., Yartsev D.I., Akimov A.V., Namiot D.E., Kuprianovskaya Yu.V. (2018). *Digital security of smart cities*. *International Journal of Open Information Technologies*, 6 (1), 104-118 (In Russian).
- Trishin V.N. (2013). *Electronic dictionary-reference book of synonyms of the Russian language of the ASIS system*. Moscow (In Russian).
- Ushakov D.N. (1940). *Explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow (In Russian).

Ushakov D. (2020). *Between digital capabilities and security*. *Interface.Ru*. - URL: <http://www.interface.ru/home.asp?artId=33367> (In Russian).

Citation:

Бегишев И.Р. Семантический анализ термина «цифровая безопасность» // Юрислингвистика. – 2021. – 20. – 24-38.

Begishev, I (2021). Semantic Analysis of the Term «Digital Security». *Legal Linguistics*, 20, 24-38.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Подписано в печать 29.06.2021 г.

Дата публикации издания 01.07.2021 г.

Адрес издательства: 656049, Алтайский край, г. Барнаул,
пр. Ленина, 61.

© Алтайский государственный университет, 2021